

Анна и Сергей Литвиновы
Дата собственной смерти
Серия «Авантюристка», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154751
Дата собственной смерти: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-11602-8*

Аннотация

Полковник Ходасевич был не рад, что согласился оказать услугу своему дачному соседу. Денис попросил его расследовать убийство отца. Несколько дней назад джип владельца фирмы «Древэкспорт» Бориса Коньшева взлетел в воздух. Все в этой истории было нестандартно. Завещание зачитали прямо на поминках, где, помимо Дениса, присутствовали две его сестры: Рита и Наташа, жившие до сего времени за границей, их мачеха Тамара, домработница Вика и зам Коньшева-старшего. Все свое состояние отец завещал жене, и – вот странность – сто тысяч долларов получила Вика. Дети и верный зам остались с носом. Но, невзирая на скандал, переночевать решили в доме мачехи, а ночью ее зарезали. И явно сделал это кто-то из домашних. Ходасевич ломает голову: кто? Кто-то из сестер? И Рите и Наташе было за что ненавидеть отца и мачеху. Денис спал с Тамарой, наставляя отцу рога, и по ее завещанию получил все. Но полковника не проведешь, и он, извлекая истину по крупинке, вычислил преступника...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна & Сергей Литвиновы

Дата собственной смерти

Глава 1

21 июля, среда.

Мальдивские острова, вечер.

Наташа

Гроза приближалась неумолимо: небо черное, волны тревожно бьются о мол, трепещут на ветру пальмы. Туристы давно попрятались, на пляже остались только грустные от непогоды лежаки да Наталья с верной подружкой Варькой.

Варькой звалась чайка, но здесь, в чужой стране, полагаться можно только на птиц. Пусть бестолковое создание, пусть бессловесное, зато, в отличие от людей, зря клевать не будет.

Наташа предвкушением бури наслаждалась, а Варька, хоть и дитя стихий, откровенно нервничала. Преданно заглядывала в глаза и пищала:

– Кью-кьюи! Кью!

Переводчик с птичьего Наташе не нужен – и так поняла: «Идет непогода! Убирайся отсюда, человечесье дитя!»

Но уходить с пляжа Наташе совсем не хотелось.

– Да хватит, Варька, паниковать! – подбодрила чайку Наталья. – Представь, что ты, – она запнулась, вспоминая Горького, – этот, как его... буревестник. Гордо реет над волнами, черной молнии подобный!

И плевать, что она, словно дурочка, разговаривает с чайкой. В конце концов, глупая птица здесь единственная, к кому можно обратиться по-русски.

– Кью-кью! – вновь выкрикнула чайка и заметалась по песку.

Над пирсом уже вспыхивали первые зарницы, вполголоса зарокотал гром. «Дождь, дождь!» – донеслось из бара.

Трусливая Варька не выдержала: сорвалась, борясь с порывами ветра, взмыла в темное небо... Улетела прятаться.

Наташа осталась одна на весь огромный пляж. В небе грохотало все уверенней, молнии полыхали ярче и ярче, из бара, как горох, посыпались туристы: потрусили к своим бунгало. Толстый Джон (хвастался, что миллионер, и врал, что холостяк) заметил, что Наталья сидит на берегу, крикнул:

– Наташья, идите домой! Вы промокнете!

– Don't worry, John!¹ – весело откликнулась она.

Она совсем не спешила домой, в душное бунгало для персонала. Во-первых, там суетно и кондиционер совсем старенький, больше дребезжит, чем охлаждает, а во-вторых: зачем

¹ Все в порядке, Джон! (англ.)

прятаться от дождя? Дождь здесь большая редкость, он очень нежный и теплый, а майка с шортами на завтрашнем солнце высохнут мгновенно.

– Наташья! – не отставал настырный Джон. – Пожалуйста, уходите. В грозу на море находиться нельзя, и потом: вы промокнете...

Иностранцы – они как дети. Вдолбили им строгие родители: гроза – опасно, дождь – мокро, вот они и слушаются и к нормальным людям с глупыми советами пристают...

– Конечно, Джон, иду, – вздохнула Наташа.

Она встала и сделала вид, что уходит – а на самом деле просто спряталась за пальму.

Джон, довольный, что спас беззащитную девушку от грозы, заторопился к своему бунгало-люкс, а Наташа вышла из укрытия и снова плюхнулась на песок.

Она терпеть не могла, когда ей приказывают, и в прежней жизни такому Джону сказала бы коротко: «А ваше какое дело, дома я или под дождем?» Но здесь, на острове, приходилось играть по другим правилам. По чужим, не по собственным. Она тут не хозяйка – персонал, а циркуляр для персонала гласит: «Гость может быть не прав. И, скорее всего, – он не прав. Но перечить ему нельзя».

Привыкать, что перечить нельзя, было сложно. Потому что туристы на остров приезжали всякие: и зануды, и придиры, и откровенные деспоты. Не часто, но бывало: насмехались, издевались, говорили обидные слова. А в ответ полагалось лишь улыбаться и благодарить, и, не дай бог, на тебя пожалуются: на первый раз выговор, на второй – оштрафуют на месячную зарплату, а на третий – однозначно выгонят, и апелляции не рассматриваются. Довольно унизительно говорить «спасибо» в ответ на «стерву» – особенно если когда-то ты была сама себе хозяйкой, при крошечном, но отдельном кабинете и визитной карточке с гордой должностью «директор»... Но человек, как известно, привыкает к чему угодно. Вот и Наталья приспособилась. Ко всему. И к тропической жаре, и к тому, что приходится делить комнату с противной Жюстин, инструкторшей по дайвингу. И к хамам-туристам тоже. А успокаивать оскорбленное самолюбие ее научила сестра. Посоветовала: «Ты тоже на них ругайся. По-русски. Хоть матом. Это ж иностранцы, они все равно не поймут!» Наташе этот метод понравился: действенный и безопасный. Ведь гости из России на этот курорт не приезжали, а за иностранцев можно было не опасаться: действительно не поймут и начальству не нажалуются.

...Еще год назад Наташа даже во сне увидеть не могла, что будет жить на острове – вполне комфортабельном, но таком крошечном, что за полчаса его можно обойти по периметру. Что научится обходиться без телевизора – тут они запрещены, специальная курортная политика: турист должен полностью отключиться от «большой жизни» и мировых катаклизмов, ну а то, что сотрудникам хочется быть в курсе событий, никого не волнует. Что почти забудет, как выглядят колготки и тем более туфли на каблуках. Что научится подобострастно кивать и говорить: «Да, сэр» или: «Как вы скажете, месье».

* * *

Еще год назад Наташа была счастлива: она – на своем месте, она – состоялась. В гуще жизни, в ритме большого города. Наташа очень гордилась, что успеха добилась сама. Никто не помогал – ни богатый папа, ни влиятельный любовник. Конечно, она не Рокфеллер и не жена Рокфеллера, но все атрибуты успеха в наличии: свое дело, квартира с машиной, модный гардероб... И полная независимость: нет над ней ни начальников, ни мужа-деспота.

Наташа работала в магазинчике под гордым именем «НАСТОЯЩИЙ». Магазинчик (по крайней мере, пока) заменял ей все: и мужа, и детей, и хобби. Потом, когда-нибудь, она, конечно, увлечется чем-то еще, но куда – она хозяйка и директор. А также – снабженец и дизайнер, а в трудные дни – и продавщица, и даже уборщица.

– Не в лом тебе шваброй шваркать? Позориться?! – упрекал ее брат.

Брат тоже занимался бизнесом, тоже имел свое дело и очень серьезно относился к собственному статусу с имиджем. Щеголял в костюмах от Бриони, ездил только с шофером и отдыхал (разумеется, с молоденькой длинноногой женой) исключительно в Куршевеле.

– А что такого, если я швабру в руки возьму? – удивлялась Наташа. – И потом: я ведь не сортир на вокзале мою, а собственный магазин!

«НАСТОЯЩИЙ» магазинчик – и Наталья очень этим гордилась – был уникальным, одним на всю Москву. У него имелось свое направление: здесь продавали исключительно здоровую пищу. Низкокалорийные йогурты и «легкие» мюсли. Экологически чистые, без единого пестицида яблоки. Пророщенные бобы. Печенье из отрубей. Варенье без сахара... В общем, принципиально – ничего особенного, весь этот набор и в супермаркете можно найти. Но только сторонники здорового образа жизни ехали в «Настоящий» магазин, а не в супермаркет. Потому что у Наташи – над каждым продуктом висела табличка, а в ней расписывалось, сколько в нем калорий, углеводов и жиров. И покупателям вместе с чеком давали листовочку с рецептом «блюда дня» – очередного «облегченного» кушанья. Ну и, конечно, присутствовало в ее магазине то, что называется «атмосферой»: ненавязчивая восточная музыка, душистые куренья, и продавцов она наставляла, чтоб те вели себя, словно не за прилавком стоят, а принимают пациентов в дорогой клинике... Но главное, почему покупатель зачастил в «Настоящий» – здесь не было соблазнов. Никаких, как в супермаркете, пирожных с наглым кремом, макарон и жирного мяса по соседству с диетическими продуктами. А ведь так тяжело, когда хочется торта, проходить мимо него и не купить... В «Настоящем» же посетителей не искушали, им не нужно было бороться с собой, им даже в голову не приходило: поужинать бобами, а заесть – чем-нибудь вредным и сладеньким. Ничего вредного и сладкого здесь просто не продавалось – только скромное печенье из серой муки, благородная говядина без единой жириночки, овощи, легкие соусы...

– Вы наша спасительница! – говорили похудевшие клиенты Наталье, а она благодарно улыбалась и просила рассказать о ее магазине друзьям и знакомым.

Хозяйничать в «Настоящем» было, безусловно, тяжело – тем более что помощи от родственников Наташа не получала. Отец – тот «порадеть родному человечку» даже не предложил. А брату – Наташа отказала сама. Денис ведь всего на два года ее старше и свой бизнес тоже построил сам, без чьей-либо помощи, а она чем хуже?

– Хотя бы тем, что ты – женщина! Вам в жизни тяжелее! – кипятился брат.

– Да ладно тебе! – усмехалась Наташа. – У меня ж не транснациональная корпорация, а магазинчик. А в малом бизнесе во всех странах в основном женщины работают.

– Ну и справляйся сама, гордячка... – обиделся брат.

Наташа и справлялась, хотя одна СЭС чего стоила – привыкли, негодяи, что в обычных магазинах им коньяки с конфетами дарят, «здоровым питанием» подарки брать не желают. А пожарные? А мымрочки из налоговой? А собственная бухгалтерша, которая честная с ней, с Наташей (что плюс), – но и с государством тоже пытается играть по-честному, если не одернешь, – укажет в балансе реальную прибыль и заплатит несусветные налоги. Ну и поставщики, конечно, тоже хороши: так и норовят смухлевать. Однажды «для упрощения процесса» залили удобрениями яблочки, которые Наташа рекламировала как «абсолютно экологичные» – хорошо, что попробовала, прежде чем пускать в продажу. Почувствовала странный вкус, заказала химический анализ – и пришла в ужас от результатов... А еще, бывало, «здоровое печенье» на белой муке пекли, и «варенье для похудения» варили не на ксилите, а на сахаре... В общем, глаз да глаз за всеми нужен...

«Эх, хоть бы мужа толкового найти в помощники!» – вздыхала иногда Наталья. Но, конечно, понимала: по-настоящему *толковый* помощником у жены быть не захочет, будет

собственным делом заниматься. А слизняки-подкаблучники ей и даром не нужны. Зачем? Чтобы деньги ее проедали? Она еще не настолько богата, чтобы вешать на шею нахлебников.

– А ты найди «золотую середину», – советовала сестра. – Чтоб и толковый, и не подкаблучник.

Сестра уверяла, что ее муж, британец Питер Хейвуд, – именно такой и есть.

Но у Наташи не было времени *искать* такого – круглые сутки в делах. Утром – она работает с поставщиками, днем – в магазине, вечером – ищет в Интернете рецепты здоровых блюд и только ночью может почитать или поваляться в пенной ванне. Какие уж тут поиски?.. Вот когда станут в ее «Настоящий» приезжать даже из других городов... Вот откроет она несколько филиалов...

Но ничего этого Наташа сделать не успела.

* * *

Гроза началась стремительно, в долю секунды. Только что молнии вспыхивали где-то совсем далеко и гром грохотал неуверенно, будто пробуя силы. И вдруг – налетело, обрушилось, забасило, завизжало... А потом навалился дождь, и не такой, как бывает у нас, когда стихия разгуливается постепенно, а сразу хлынуло сплошным потоком, ничего вокруг не разглядеть, будто стоишь под огромным, беспросветным душем.

– Наташья! Идите домой!!! – расслышала она мужской голос сквозь шум ветра и яростный плеск волн.

Крик раздавался из глубины острова. Джону опять нейдет. Догадался, что Наташа с пляжа так и не ушла, и пришел проверить. Вот ведь беспокойный старикан! Но прятаться от него сейчас уже бессмысленно, и Наташа даже не обернулась. Она подставила гневным струям лицо. Подождала, пока вымокнет до нитки. И только тогда в последний раз с сожалением взглянула на бледный от пены океан и побежала к своему домику.

Нет, в ее нынешней жизни тоже есть свои прелести!

* * *

«Настоящий» магазин погиб бесславно, в одночасье. Самое ужасное, что через два дня после его смерти в помещении уже ломали перегородки и готовились к евроремонту.

Наташа, засунув гордость в карман, плакала в отцовском кабинете и умоляла отца «сделать хоть что-нибудь». Ездил к брату, просила помочь и униженно клялась, что «век не забудет».

Но ни тот, ни другой выручить магазин не смогли. Или не захотели. Помогли только сочувственными словами.

– Это всего лишь магазин! – неуверенно утешал Наталью брат Денис. – Единичная торговая точка...

«Нет. Это мой ребенок Моя любовь! Моя жизнь!» – думала Наташа.

– Найдешь себе новую игрушку – правильную! А уж тогда я тебе помогу. Подстрахую, – обещал отец.

«Новую? А я своим покупателям уже обещала: яблоки в этом сезоне будут вкусные как никогда...»

«Натусик, не расстраивайся: может, оно и к лучшему, – писала сестра. – Пока отдохни, а потом себе новую работу найдешь, поспокойнее. Будешь работать, как все: с девяти до шести. А то этот магазин тебя так выматывал!»

С девяти до шести. Делать, что велят. Слушаться начальников. Оглядываться на коллег. Интриговать, чтоб пробиться на службе. И вспоминать, бесконечно вспоминать, как все

было в «Настоящем» магазине... Тихая медитативная музыка. Благодарные улыбки клиентов. Любовно продуманные восточные орнаменты на стенах...

«Я не выдержу этого. Не пойду в чужой и злой офис. Не смирюсь. Не переживу. Я вообще не могу оставаться в Москве!»

Наташа бродила по Интернету сутками: только бы найти работу подальше от столицы – когда-то такой любимой и милой.

Должность инструктора по теннису на далеком острове приглянулась ей сразу. Нет, не зарплатой: двести долларов в месяц звучали просто насмешкой. И не статусом – Наташа уже успела попутешествовать и знала, что спортивный инструктор на курорте – работенка жалкая и очень зависимая. Нет, ей понравилось, что остров – очень далеко, за шесть тысяч километров. «Спокойный и уединенный» – как гласила реклама.

«Там можно будет прийти в себя. Подумать о жизни. И решить, что мне делать дальше».

И она тут же отправила резюме – спасибо родителям, оно звучало солидно, особенно для крошечного острова и смешной зарплаты: кандидат в мастера спорта по теннису, пять выигранных юношеских турниров, английский и французский свободно.

На следующий день ей позвонил управляющий курортом и попросил выйти на работу как можно быстрее. Наташа сказала, что вылетит прямо завтра.

– Но наш курорт еще только раскручивается, – осторожно сказал управляющий. – Мы сможем платить вам чисто символическую зарплату. Зато еда у нас бесплатная и жилье тоже...

«Дожили, – грустно усмехнулась про себя Наталья. – Я буду работать за еду. Можно сказать, за чечевичную похлебку. А еще бывший директор».

А вслух повторила:

– Я прилечу первым же рейсом.

Лучше быть низкооплачиваемым *персоналом*, но вдали от всех, на крошечном острове, чем жалкой неудачницей в столице.

* * *

– Наташья, ты крейзи, – покачала головой Жюстин, соседка по комнате, когда Наталья вернулась, наконец, в домик.

– А ты зануда! – усмехнулась Наташа, стягивая мокрую футболку. – Знаешь, как здорово бегать под дождем!

Жюстин, уютно забившаяся под одеяло, презрительно дернула хрупким плечиком: никогда она не поймет эту русскую!

Наташа молча скинула насквозь промокшую одежду, накинула халат и подошла к окну. Уже совсем стемнело, стихия продолжала бушевать, пальмы беспомощно клонились под водяными потоками.

– Сюда приходил Джон, – вдруг огорошила ее Жюстин.

– Джон? – Наташа в первую секунду не поняла. – Какой Джон?

Начальство наставляло: «Туристы даже знать не должны, что вы живете прямо здесь, на острове. Им полагается считать, что курорт существует только для них». Поэтому домики для сотрудников прятались в самых труднодоступных уголках, густо обсаживались лианами и не имели никаких табличек.

– Ну, толстый Джон, который все на тебя глазеет! – уточнила Жюстин.

– И что он хотел? – холодно спросила Наташа.

– Что-что! – фамильярно хмыкнула Жюстин. – Чешется у него кое-где, неужели не ясно?!

– А все-таки: чего ему надо?

– Сказал, что беспокоится за тебя, – хохотнула соседка. – Гроза, а ты где-то ходишь. Он тебя на пляже искал. А потом так заволновался, что поперся на рецепшн: узнавать, где ты живешь.

«Ну, все. Девчонки с рецепшн наверняка проболтаются администратору, а не они – так Жюстин постарается. Выговор обеспечен».

Обычно Наташа очень старалась, чтобы ее работа не вызывала нареканий, но сегодня ей почему-то было все равно.

– Он просил мне что-нибудь передать? – Наташа постаралась, чтобы вопрос звучал равнодушно.

– Велел, чтобы ты обязательно приняла горячую ванну. И растерлась докрасна полотенцем, – насмешливо сообщила Жюстин.

«Вот дурачок!»

– И письмо тебе принес.

– Письмо? – искренне удивилась Наталья.

– Ждешь, что руку с сердцем тебе предложит? – фыркнула соседка. – Шиш тебе. Не от него письмо. Он просто на рецепшене болтался, когда почта пришла. Увидел твою фамилию на конверте и сказал, что сам отнесет.

Наташа отпрянула от окна:

– Но почта ведь только по субботам приходит!

– Ну, значит, это была экспресс-почта, – сварливо сказала Жюстин. – Сегодня, по моему, как раз самолет прилетал. Еле успел до дождя приземлиться...

Наташа уже не слушала. Она кинулась к столу, распечатала конверт и вскрикнула...

Письмо начиналось так:

«Уважаемая Наталья Борисовна! С прискорбием извещаю...»

* * *

За день до описываемых событий.

Англия, пригород Лондона. Утро.

Рита

День начался, как обычно.

Первый раз они поссорились в семь утра: Пит возмутился, что в свежавыжатом соке обнаружилась косточка. Крошечная апельсиновая косточка, любой русский, даже самый склочный, ее просто выплюнул бы – но Пит был английским занудой и устроил целый скандал.

– Пойми, Пит, – увещевала его Рита, – я не виновата, соковыжималка такая! Что поделаешь, если она кости пропускает!

Но муж, бледный – он всегда белел, когда злился, – от ее оправданий завелся еще больше, и Рите, как всегда, досталось и за невнимательность, и за неприспособленность к

хозяйству, и даже за «мировую никчемность». «World worthlessness», так Пит и сказал – с пафосом, презрительно выпятив нижнюю губу. А закончил речь словами:

– Ты это делаешь специально! Я всегда знал, что ты хочешь меня извести!

Шизофрения, натуральная. В России таких, как он, сажают в психушку и назначают добрую порцию аминазина. Но здесь, в Англии, порядки другие. Рита может, конечно, позвонить Питову психоаналитику и сказать, что муж опять ведет себя неадекватно. Только в Соединенном Королевстве понятия о врачебной этике странные – доктор тут же доложит своему пациенту, что на него жена нажаловалась, и тогда простым скандалом не обойдешься. В лучшем случае Пит опять перебьет всю посуду или начнет ей пальцы выкручивать, как месяц назад. Оба мизинца до сих пор едва шевелятся и болят...

– Пит, поступим так, – миролюбиво предложила Рита. – Не хочешь пить с косточкой – не пей. Давай сюда свой сок, я его... как это будет... filter?²

Она махнула рукой на сито.

– Not «filter», but «strain»³, – отрезал Пит.

Милостиво протянул ей злосчастный сок и выдал очередную тираду: что она живет в Великобритании уже семь лет, но до сих пор не взяла на себя труд освоить великий и могучий английский.

– Как ты меня задолбал... – выдохнула Рита на родном языке (Пит хоть и был женат на русской, а ни единого слова, кроме «водки» с «матрешкой», не освоил).

– Прощи сок немедленно и подавай мне scrambled eggs⁴. – Пит, с достоинством истинного джентльмена, непонятую реплику проигнорировал.

Рита послушно выполнила приказание, и завтрак продолжился.

Впрочем, прежде чем муж отвалил в свой офис, ей пришлось выслушать еще ряд претензий: бекон, считал супруг, пригорел, порридж⁵ опять в комочках, на наглаженной с вечера рубашке обнаружилась еле видимая морщинка... Рита молча убрала недоеденный завтрак и покорно отпарила несчастную складку, с трудом сдерживаясь, чтоб не метнуть горячим утюгом мужу в голову. Она считала секунды до сладостного момента, когда Пит покинет, наконец, дом.

– Сегодня я особенно тобой недоволен, – сказал ей муж на прощание.

– Извини, дорогой, – виновато улыбнулась Рита.

– Вряд ли вечером мы пойдем в ресторан, как я обещал тебе раньше, – Пит со вздохом уселся в свой серый «Ниссан».

Ну вот. И так дел полно – а теперь еще и ужин придется готовить. Но Рита спорить не стала. Молча распахнула ворота. Дождалась, пока машина скроется за поворотом. (Открывала тяжеленные створки и смотрела вдаль тоже не по велению души, а по обязанности – Пит требовал, тешил самолюбие: ведь ни одна из англичанок-соседок ворота для своих мужей не распахивала.)

Нет, с каждым днем с ним становится все тяжелее... Она не выдержит.

Проводив мужа, в дом Рита не пошла – отправилась в сарай. Там на дне ящика с инструментами, под плоскогубцами и отвертками, она прятала сигареты и зажигалку. Курить Пит ей не позволял, и ради любимой привычки приходилось идти на всевозможные ухищрения. Цельный спорт: по монетке откладывать деньги, чтоб купить сигарет, постоянно перепрыгивать пачки, выискивать места, где можно безопасно посмолить...

² Отфильтрую (англ.).

³ Не «фильтровать», а «цедить» (англ.).

⁴ Яичница (англ.).

⁵ Геркулесовая каша.

В этот раз Рита отправилась курить в оранжерею. Хотя и стены там, на радость соседям, стеклянные, но можно спрятаться в розовых кустах. И табачный дух в оранжерее не застаивается: вытяжка хорошая, а розы – природный ароматизатор.

Рита с наслаждением прикурила «Кент», затянулась, выдохнула дым на любимую чайную розу Пита... И задумалась, в который уж раз, бесцельно и горько, – что ей делать? Неужели придется признать: брак не состоялся, заграничной сказки не получилось, нужно возвращаться домой?

Будь она одна – ушла бы давно. Пусть без денег, со скандалом, на пустое место – согласна на все, лишь бы не делить кров и постель с человеком, которого больше не любила. Но дети, Лизочка и Тимоша, как быть с ними? Рита не сомневалась: если их спросят, с кем они хотят остаться, малыши выберут маму. Но только кто их спросит? В Англии законы суровые – для таких, как она, для пришлых. И при разводе, заключай мировое соглашение или судись, – дети все равно останутся с отцом. Потому что за мужем – с рождения английское гражданство, собственный дом, стабильность и перспективы. Он – англичанин, он – свой. А она в Англии – никто. И всем плевать, что в России ее отец – крупный бизнесмен с таким влиянием и статусом, что Пит рядом с ним – блоха, не больше. Что ее брат однажды попал в двадцатку «самых перспективных холостяков». Что сестра пару лет назад завоевала титул «Мисс «Малый бизнес».

Брат и сестра до сих пор считали, что она счастлива. Рита их не разубеждала. Она регулярно посылала родственникам благодные фотографии: «Тим играет в футбол», «Лиза печет пудинг», «Мы с Питом на пикнике». А в письмах яркими красками расписывала неспешную жизнь в фешенебельном пригороде Лондона, пятичасовые чаепития, к которым привыкаешь быстрее, чем к сигаретам, и как бывает весело, когда в день начала распродажи огромная толпа штурмует «Хэрродс».⁶

Конечно, в чужой стране жить нелегко. Иные люди, другие порядки, особые правила... Но за семь лет привыкнешь к чему угодно. Особенно к хорошему. К чистому воздуху, например. К изумительному чаю. К вежливым людям.

А каково нынче живется в России? Рита, спору нет, скучала – о всем том, о чем полагается тосковать: о русском языке, о черном хлебе, о березках. Но она смотрела новости и потому знала: жизнь на Родине – совсем не такая, как в выхолощенной Англии. В России, конечно, уже исчезли с улиц бандиты в широких спортивных штанах – теперь они ходят в костюмах и строят особняки в ближайших пригородах. Супермаркеты на каждом шагу, и нормальные парикмахерские появились, и ходить в ужасные районные поликлиники тоже не обязательно. Но все равно – до скучной английской стабильности Родине далеко. Жизнь в Москве до сих пор такая непредсказуемая и нервная... Засыпаешь – и не знаешь, что ждет тебя завтра. Хотя бы на родственников посмотреть – они вроде и на коне, швыряются деньгами, щеголяют в дорогих шмотках, – но сколько же им пришлось (и приходится) переживать! Отец купается в роскоши в новом трехэтажном особняке с прислугой, но при этом – на него устраивают покушение. Средь бела дня, на улице, его расстреливают из автоматов, и просто чудо, что не задевают...

Брат ни на что не жалуется, но в письмах проскальзывает: постоянно на нервах, приезжает домой за полночь и засыпает только со снотворным. А сестра, красавица и умница, так гордилась, что у нее собственный бизнес, но чем все кончилось? Бизнес накрылся, у сестренки депрессия, она прячется от нее на каком-то тухлом острове, черт знает где, в Индийском океане, живет в общежитии, работает инструкторшей по теннису и через силу хвастается, что «духовно обновляется». Но разве в чужой общежитии, в вечной сутолоке обновиться?!

⁶ Один из самых фешенебельных лондонских магазинов.

Короче, в России постоянно какие-то неприятности происходят. И с людьми, и со страной в целом. Самый надежный банк в любой момент может обанкротиться, самое красивое в мире столичное метро – взорваться, а помощница по хозяйству, даже если ее рекомендовала надежнейшая фирма по подбору персонала, – оказаться воровкой...

«Допустим, я вернусь в Москву, – думала Рита. – И даже, о чудо, сумею отсудить детей. И брат мне, допустим, поможет. Но всех моих проблем-то не решит! Не станет же он меня содержать – и все решать за меня? Да и стыдно – тут, в Англии, я придаток при Пите, а в Москве – повешусь на шею родичам. Так что придется самой: работать, обустроить жилье, водить детей в садик... Интересно, остались в России детские садики? Наверняка остались – только, скорей всего, они теперь платные... Да, везде нужно платить. Но откуда деньги-то брать?»

Кем, интересно, она может работать? Театр, свою любовь, бросила, училище не закончила – выскочила замуж в восемнадцать лет, на втором курсе. Думала доучиться в Англии, но даже документы подать не успела: забеременела. А потом, когда Лизочка чуть подросла, уже Пит воспротивился. Заявил, что его дому нужна хозяйка, детям – мать, а из студентки ни хозяйки, ни матери не получится. Рита попробовала протестовать – и почти «сдвинула» непоколебимого Пита, – да только опять забеременела. А когда детей стало двое, разговоры об учебе стихли сами собой... Так что профессии нет. Разве что переводчиком можно работать – с русского на английский, но это еще хуже, чем официанткой, да и английский, она читала, москвичи уже освоили, понимают без толмача. Вот если б она китайский или арабский знала...

«В общем, совсем я никчемная, – страдала Рита. Ей мучительно хотелось закурить еще одну сигарету. – Не зря Пит однажды сказал: «Одной тебе быть нельзя. Пропадешь».

Она вытащила из пачки «кентину». С наслаждением понюхала, повертела в пальцах...

«А вот если... если бы вдруг...»

Рита подумала об отце: все-таки он – очень богат. Папаша никому, тем более ей, не говорил, какой суммой выражается его состояние, но Рита знал: денег у него очень, очень много. Вот если бы вдруг...

«Даже думать об этом нельзя», – одернула она себя.

Но мысли так растревожились, что Рита все-таки закурила вторую сигарету...

– Мамми! – донесся от крыльца возмущенный писк.

Рита поспешно загасила «кентину» (надо не забыть потом убрать «бычки») и пулей кинулась прочь из оранжереи.

Лизочка в одной ночной рубашонке стояла на пороге, ее губы дрожали. Впрочем, едва увидела маму, тут же заулыбалась, хотя и сказала обиженно:

– Мамочка! Я уже проснулась, а ты где-то ходишь!

– Доброе утро, солнышко! – улыбнулась Рита в ответ. – Я ходила в оранжерею, смотрела, расцвела ли чайная роза.

Дочка повела носиком, строго произнесла:

– А почему тогда от тебя пахнет сигаретами?

– Тс-с! – Рита сделала вид, что испугалась.

– Ну, что ты, мумулечка, – дочка великодушно обняла ее за талию. – Не бойся. Я тебя никогда не выдам. Это наш с тобой... сикрит, – Лизочка сбилась на английский.

– Секрет, – машинально поправила Рита.

– Мистери. Тайна! – Подвела итог дочка. – Мы даже Тиму не скажем, райт?

– Правильно, – согласилась Рита. – Тим пока маленький, зачем ему знать?

– А я большая, большая! – запрыгала дочка. – И очень скоро я вырасту совсем и тоже буду курить!

«М-да. Что-то даже детей воспитывать – у меня и то не получается», – покаянно подумала Рита и спешно перевела разговор:

– А чего ты вскочила в такую рань?

– По нужде, – важно ответила дочь.

– По нужде? – не поняла Рита. Откуда, интересно, это словечко? Она ведь учит детей только правильному русскому, тщательно следит, чтобы в языке никаких просторечий не проскакивало.

– Ну, я не хотела просыпаться, а меня ВЫНУДИЛИ, – пояснила дочка. – В большой гостиной долго звонил телефон. Звонил так громко, что Питти мяукал. – Дочка вздохнула и жалобно закончила: – Питти вообще очень нервный, мама! Можно, я дам ему успокоительного, ну, того, что папа пьет?

Нет, все-таки, как она ни старается, ее дети – в первую очередь не русские, а англичане. Европейцы – которые готовы глотать успокоительное по любому поводу. И кормить им кота. Валерьянкой бы лучше котов кормили.

– Питти справится сам, – твердо сказала Рита. – А кто звонил?

– Вот смотри, мамочка! – укоризненно сказала дочка. – Ты же сама знаешь: телефон звонит семь звончков, а потом включается автоответчик. Первые два – я еще спала. Потом еще три – это я ждала, что ты сама ответишь. А потом еще два гудка бежала. – Лиза вздохнула. – Но разве от моей комнаты до гостиной так быстро добежишь?

– А что Тим? – поинтересовалась Рита.

– А Тим спит так, что не разбудишь даже *тушкой*, – фыркнула дочь.

– Может быть, *пушкой*? – улыбаясь, поправила Рита.

– Какая, мамуль, разница! – отмахнулась дочь. – Так вот. До телефона я не добежала, и включился автоответчик. Я слушала. Говорил какой-то дядя. По-русски, но так быстро, что я совсем ничего не поняла... Кто это, мамочка?

– Может быть, твой дедушка из России? Или дядя Денис? – предположила Рита.

– Ну что ты, мама! – возмутилась дочь. – Они совсем не так говорят, я бы их сразу узнала.

Рита встревожилась:

– Тогда не знаю, Лизочка. Пойдем послушаем.

– А может быть, ты в лотерею выиграла? – вдруг предположила дочь.

– В лотерею? – удивилась Рита. – А при чем здесь телефон?

– А ты не помнишь, по телеку показывали? Тетеньке позвонили, что она миллион фунтов выиграла, и она в обморок упала!

– Но ты же сама сказала, что этот человек говорил по-русски. – Рита начала раздражаться.

Дети – они, конечно, очень милые, но такие нелогичные...

– А вдруг это *русская* лотерея? – парировала дочка и вкрадчиво заглянула ей в глаза: – И я подумала, что если ты и правда выиграла, то, значит, купишь мне Барби-невесту!

– Я тебе и так ее куплю, – опрометчиво пообещала Рита.

– Ур-ра! – просияла дочка.

Пулей бросилась в дом, с грохотом пронеслась по комнатам, визжала, звала любимого котенка:

– Ур-ра, Питти, ур-ра! Нам с тобой купят Барби!!!

Рита рассеянно улыбнулась, подошла к телефону и нажала на кнопку «new messages⁷»:
«Здравствуйте, Маргарита Борисовна! Это говорит Михаил Инков, заместитель вашего отца. У меня для вас тяжелое известие...»

⁷ Новые сообщения.

Тишина. Шелест международного эфира. Вздох на другом конце провода. Рита вся напряглась. Примчалась Лизочка, на руках – котенок, остановилась рядом.

«Так вот, – откашлялся Инков, – ваш отец, Борис Андреевич Коньшев, вчера вечером трагически погиб».

Рита ахнула, прижала руки к груди. Дочка смотрела на нее исподлобья, испуганно.

«Извещаю вас, – продолжал в автоответчике противный голос отцовского зама, – что похороны состоятся двадцать третьего июля в десять утра, и еще раз приношу вам свои соболезнования...»

* * *

В тот же день.

Москва, утро.

Денис

Денис проснулся за пять минут до будильника. За тяжелыми портьерами пряталось яркое летнее утро, из кухни призывно струился кофейный запах. Майя выпростала из-под простынки стройные ножки и сладко посапывала. Денис равнодушно скользнул взглядом по ее розовым пяточкам и тугим бедрам. Когда-то, очень давно, нежная кожа и точеная фигурка жены помогали ему проснуться: стоило только посмотреть, и настроение сразу скакало вверх (и не только настроение). Но сейчас он не чувствовал ничего. Тело и тело. Ладное, свежее. Почти чужое... В мозгу гуляла единственная мысль – выкурить первую сигарету немедленно или все же дотерпеть до первой чашки кофе?

«Нет. Дотерплю», – решил он. Отвернулся от пачки «Парламента» – она призывно подмигивала с тумбочки – и выбрался из постели. Майя что-то пробормотала во сне и, не открывая глаз, зашарила по кровати – искала сбившуюся простыню. Раньше Денису нравилось укутывать милую женушку. Он нежно оборачивал ее покрывалом, подтыкал его под спинку и растроганно слушал, как Майя сонным голоском шепчет: «Спасибо, Динечка!»

Но сейчас от нежностей воротило. Не укрывать ее хотелось, а наоборот – растолкать и грубо сказать: «Хорош дрыхнуть!»

Впрочем, Денис сдержался. Глупышка Майя все равно ничего не поймет – только обиженно хлопает ореховыми глазками: «Почему ты так? Я тебя чем-то обидела?» Не объяснять же ей!.. Да и что можно тут объяснить? Так что пусть лучше спит.

Он небрежно набросил на супругу простыню, накинул халат и вышел из спальни.

Из коридорного полумрака тут же выступила горничная:

– Доброе утро, Денис Борисович. Кофе сварился две минуты назад.

И снова Денис поймал себя на мысли: еще недавно ему очень нравилась эта девчонка – мила, услужлива, добросовестна. И кофе в ее исполнении бодрил не хуже, чем бренди. Но сейчас вдруг захотелось: не здороваться с ней, а прошипеть: «Исчезни!»

Но он снова удержался.

– Доброе утро, Маруся. Я налью кофе сам, спасибо, можешь идти.

Маруся расстроилась: она любила, когда хозяин веселый, просит ее прислужить за завтраком, говорит комплименты, насмешничает. Сейчас она сразу погрузилась, хотя виду и не подавала – но за то Денис ее и держал: понятлива.

– Хорошо, Денис Борисович, я ухожу. Кофе в кофейнике, завтрак на столе, сок сегодня грейпфрутовый.

Грейпфрут. Тоска, оскомины-кислятина. Как и вся его нынешняя жизнь. Впрочем, Маруся не виновата. Он сам однажды сказал ей, что в грейпфруте прячутся какие-то полезные микроэлементы – вот девочка теперь и старается. А где он, кстати, услышал про эти микроэлементы? От жены, от секретарши, случайно прочел в Интернете? Денис не помнил...

Память в последнее время вообще повиновалась плохо и вытворяла странные штуки. Не по заказу работала, а по собственному усмотрению. Вдруг, например, вспоминались давно забытые кусочки из детства, всплывали никому не нужные формулы из школьного курса химии – зато его гордость, сто телефонных номеров на память, уже несколько раз давала сбой...

«Надо, наверно, ноотропил попить, – подумал Денис. – Как учит Петька: «колеса решают любую проблему».

Петькой Денис называл мужа сестры, Пита Хейвуда. Тот вечно плотал какие-то таблетки: то соображаловку улучшал, то настроение, как он говорил, «позитивировал». Впрочем, на взгляд Дениса, сколько Пита не лечи, а более вредную тварь все равно не найдешь, и чего только сестричка в нем нашла?!

«Надо бы написать Ритке. Или позвонить. Может, прямо сейчас? – думал Денис, равнодушно глотая завтрак. – А то на работе будет не до того...»

Он уже потянулся к телефону – и отдернул руку. Сестренка – натура чуткая. Сразу уловит, что он не в духе, и своим сочувственным щебетаньем быстро доведет его до мигрени.

Впрочем, мигрень начиналась и без того. И чем ближе становилось время, когда подъедет шофер, тем сильнее болела голова.

«Как после первого курса, на практике, когда я со своим тогдашним шефом поругался, – отстраненно вспомнил Денис. – Надо мной еще однокурсники потешались: что я плелся к офису медленней черепахи, лишь бы на работу прийти попозже...»

– Смешно, Денис. – Он попытался успокоить самого себя. – Ты уже далеко не второкурсник. Ты – хозяин, начальник, босс, у тебя все шикарно, понял? Шикарно, слышишь, шикарно!

Аутотренинг удался ровно наполовину – в этом Денис убедился, когда подошел к зеркалу. С визуальной точки зрения с ним был полный порядок: строгий и цепкий взгляд, уверенная складка рта, небрежно-дорогая стрижка. А в душе – как была суета-маята, так и осталась...

– Ничего. Прорвусь, – заверил себя Денис.

Он быстро принял душ, побрился, взял из Марусиных рук отутюженные костюм с рубашкой, повязал галстук... Под окном уже ждал верный «Бимер». Ленчик, шофер, шефа гудками не торопил. Развалился в водительском кресле и увлеченно разгадывал кроссворд.

Почему-то Денис разозлился и на Ленчика – хотя этот-то в чем виноват? Приехал вовремя, а что не сигналит – так это Денисов же собственный приказ: зря не библиковать. Зачем шум поднимать, если парковку и так прекрасно из окна видно? Разве что для понтов – но в их доме машиной с персональным водителем все равно никого не удивишь...

«Да что такое со мной?! Что за настроение идиотское?» – в который уж раз одернул себя Денис. И тут же в голову пришла еще одна мысль: «А может, зря я сдерживаюсь? В конце концов, я – босс, а они – персонал, мое дело – кричать, их дело – слушать и помалкивать...»

Но кричать он все же не стал. На прощание одарил Марусю хоть и вымученной, но улыбкой, и даже выдержал очередной бородатый анекдот, которым облагодетельствовал его Ленчик.

* * *

Едва приехал на работу, как ему полегчало. Спасибо новенькой с рецепши: посмела играть на рабочем месте в «червы». Денис с чистой совестью отчитал вертихвостку – когда за дело, устраивать разнос куда приятнее, чем просто так. Девушка краснела, губы прыгали, а он чувствовал, как дурное утреннее настроение с каждой секундой гаснет, стирается, уступает место здоровым азарту и злости.

Напоследок пообещал нерадивой сотруднице:

– Еще раз увижу – уволю.

– Простите меня, пожалуйста... – покаянно пропищала девчушка.

А личная секретарша Дениса, наблюдавшая мизансцену, неодобрительно покачала головой: на ее взгляд, шеф перебарщивал.

Денис сделал вид, что не заметил ее недовольства.

– Лика, будь добра, кофе, – велел он, проходя в кабинет.

С облегчением снял пиджак, уместился в любимом кожаном кресле и быстро просмотрел органайзер: денек сегодня намечался горячий и склочный. Каким и полагается быть дню у владельца и директора инвестиционно-строительной компании.

В десять – встреча с подрядчиками из СМУ-15, в полдень – интервью для «Деловой газеты» (в скобках значилось, что «интервью независимое», то есть непроплаченное: значит, опять придется лавировать, обходить острые углы, а то и оправдываться). Потом – обед с потенциальным соинвестором, в шестнадцать тридцать – разборка с директором кирпичного завода и плюс еще тысяча мелких, но неотложных дел, которые нельзя скидывать на подчиненных. Бесследно исчезли двадцать машин с гравием. На объект опять завезли бетон низшей марки. И даже: как получилось, что на одной из строек засохли три тщательно берегаемых, окруженных специальными заборчиками тополя?

Отец – уж что-что, а советы он давать любил, нет бы – деньгами помочь! – однажды упрекнул Дениса, что тот «берет на себя слишком много и не умеет делегировать полномочия». Но сын только пожимал плечами: ему нравилось. Нравилось быть реальным, а не номинальным директором. Во все вникать самому. Разбираться во всех тонкостях. И говорить с подрядчиками, обожавшими сыпать строительными терминами, на одном языке.

Инвестиционно-строительная компания, которой владел и руководил Денис, называлась незамысловато: «Уютный дом». Сестричка Наташка над названием хихикала: «Какая пошлятина!»

– Зато людям нравится, – парировал Денис. И даже однажды продемонстрировал сестре выкладки, подготовленные рекламным отделом: «*Название «Уютный дом» ассоциируется у потребителей с чем-то надежным, незыблемым, вечным...*»

– Ага. С вечным долгостроем, – тут же съехидничала Наталья. И припугнула: – Смотри, засудят тебя: «Зеленый берег»-то уже на год просрочил...

«Зеленый берег», дом класса «премиум», – любимое детище Дениса. Находится в исключительном месте: у Москвы-реки, в окружении березовой рощи. Приезжали экологи, брали пробы воздуха – показатели оказались почти такие же благостные, как в Барвихе. Но с «Зеленым берегом» с самого начала не задалось: то СЭС палки в колеса вставляла, то аборигены из пятиэтажек на демонстрации выходили, а теперь еще... Клиенты, выкупившие свои квартиры еще на этапе проекта, одолевали жалобными звонками, а кто и лично являлся, гневно топал дорогим ботиночком, грозил пенями и судом. Денис поступал с буду-

щими новоселами избирательно: кого улещивал, кого успокаивал, а особо нервным говорил строго: «Не хотите – не надо. Я что, мешаю вам продать ваш пай? Продавайте. Как говорится, велкам. Только выставьте его на продажу – мигом купят, еще и с наваром останетесь. Но смотрите: как бы потом не пожалеть! Вы что, не видите: цены-то все растут!»

И покупатели смирились. Сменяли гнев на милость и устало соглашались, что «потерпят еще квартал, но уж потом ждем новоселья, ладно?».

– Конечно, все будет, – заверял Денис.

Он тщательно поддерживал имидж будущего элитного дома «Зеленый берег»: уникальное, экологически чистое место, смелые инженерные решения, самые современные коммуникации, элитное окружение... Набор сладких, трескучих штампов, в которые так хотелось верить нуворишам, отвалившим по три тысячи долларов за квадратный метр...

Пока никто не знал о том, что дни «Зеленого берега» сочтены. Что элитный дом – такой привлекательный на макетах и милый даже на уровне чернового строительства – так и останется мечтой. Но скоро люди узнают, и тогда... Денису даже думать не хотелось о том, что будет ТОГДА. И он бился, отчаянней, чем рыба об лед, чтобы спасти свое детище. Ведь не бывает же совершенно безвыходных ситуаций, верно?

– Ваш кофе, Денис Борисович, – отвлекла его от грустных мыслей секретарша.

– Спасибо, лапа, – машинально поблагодарил он. (Словечко «лапа» Денис позаимствовал у отца: тот уверял, что это самое верное обращение к секретаршам, сохранившееся еще от цеховско-обкомовских времен.) – Важные звонки были?

– Н-нет... то есть д-да... – неожиданно засмушалась «лапа».

Коньшев удивленно взглянул на девушку – раньше та никогда не заикалась. Секретарша стояла на пороге кабинета, держала кофейный подносик. Руки дрожат, чашка с сахарницей ходят ходуном.

– Ты что, не выспалась? – с шутливым участием поинтересовался Денис.

– Д-денис Борисович, т-тут к вам посетитель, – продолжила нервничать секретарша.

– Ты же знаешь, – участие в голосе тут же сменилось раздражением, – что я занят, и...

Но девушка осмелилась перебить:

– Это Михаил Вячеславович Инков. Коллега вашего отца.

– И что дальше?

Денис Коньшев прекрасно знал Инкова. Отцовский прихвостень. Никчемное и слабозвольное создание. Что ему здесь понадобилось? Квартиру, что ли, решил прикупить? Так пусть идет к менеджерам. Не та птица, чтобы им лично генеральный директор занимался.

– Он просит вас срочно его принять, – наконец справилась с волнением секретарша. – По неотложному делу. – И взглянула на Дениса со странным сочувствием.

– Ну, если по неотложному... – сдался Денис. – Только предупреди его, что у меня пять минут, не больше.

Кофе Инкову он предлагать не будет.

Секретарша тут же растворила дверь в свою приемную, пригласила:

– Проходите, пожалуйста...

А Денис немедленно нацепил на лицо недовольное выражение – хорошо бы отделаться от этого Инкова как можно быстрее.

«Как странно он вырядился...» – мелькнула мысль, едва посетитель появился на пороге.

А потом вдруг разрозненные картинки слились в одну. Замешательство секретарши. Неожиданный, не упрежденный телефонным звонком визит Инкова. И его темный, несмотря на жаркий день, костюм. И черный, без рисунка, галстук.

– Что-то случилось? – тихо спросил Денис.

Инков скорбно кивнул:

- Да. Ваш отец...
- Что с ним? – повысил голос младший Коньшев.
- Его убили, – опустил глаза отцовский заместитель.

Глава 2

В ночь на пятницу, 23 июля.

Мальдивские острова, город Мале.

Наташа

В зале ожидания хоть и глубокая ночь, но весело. Загорелые туристы демонстрируют друг другу яркие курортные карточки на экранах цифровых фотоаппаратов, смакуют джин или бренди и с интересом поглядывают на экран огромного телевизора: по CNN идет сюжет об урагане в Москве. Кадры, как всегда, получаются у западных журналистов эффектные: по брусчатке на Красной площади мчатся потоки воды, молнии грозно бьют в Останкинскую башню, гаишники в насквозь промокших плащах пытаются регулировать движение на затопленных улицах...

«Забавно у них там, в Москве», – услышала Наташа чей-то комментарий на английском.

Но лично для нее в разгуле стихии ничего забавного не было. Она то и дело поглядывала на часы и изо всех сил сдерживалась, чтобы не отправиться в дьюти-фри за очередной бутылочкой слабоалкогольного коктейля: нервы совсем на взводе. Самолет из столицы должен был прибыть в Мале еще пять часов назад, но не появился до сих пор, и Наташе даже не удалось выяснить: вылетел ли борт или до сих пор болтается в Москве, пережидая грозу. Может быть, ей полететь через Европу? Через сорок минут будет рейс на Мадрид, а через час – на Хельсинки... Наташа встала. Ногам, уже привыкшим к шлепкам-вьетнамкам, было очень неудобно в кожаных босоножках, грудь в тесном лифчике ныла (от орудия пытки под названием «бюстгальтер» она на своем острове тоже успела отвыкнуть).

– Нет, что вы, мисс! – разочаровал ее улыбчивый мальдивец-кассир. – Билетов, конечно, нет. Ведь все туристы раунд-трип⁸ покупают, так? Откуда же возьмется билет в Европу?

– Но мне очень нужно! – Наташа ослепительно улыбнулась.

Наи кассир, русак, может быть, в ответ на такую улыбку и выдал бы какую-нибудь тайную бронь, но мальдивец только сочувственно покачал головой:

– Единственное, что могу предложить: первый класс до Лондона, посадка начнется через три часа.

– Нет. Через три часа мне уже поздно, – вздохнула Наташа.

Не признаваться же кассиру, что первый класс она просто не потянет: на кредитной карточке у нее всего восемьсот долларов.

«Да где ж его носит, этот долбаный самолет?!» – пробурчала она по-русски.

И словно в ответ включился динамик. Диктор на косноязычном английском сообщил: рейс из Москвы «в связи со сложными погодными условиями» прибудет в Мале только через четыре часа. А потом – высадка, уборка, заправка, посадка... Значит, вылетят они часов

⁸ Билет «туда-обратно».

через восемь, не раньше. Примерно в десять утра по Москве. Ровно в то время, на которое назначены похороны отца.

Наташа едва не застонала, к горлу подкатил противный комок, такой мерзкий, что пришлось прикрыть рот рукой... К ней тут же бросился очередной иностранный старичок – из тех, кто обожает соваться в чужие проблемы, особенно если эти проблемы возникают у хорошенькой девушки. Осмотрел ее слезящимися, масляными глазками, вкрадчиво спросил:

– Can I help you?⁹

Наташа уже приготовилась вежливо поблагодарить за заботу и отказаться – именно так полагалось поступать *персоналу* на Мальдивских островах – и вдруг вспомнила, что она – больше не обслуга и терпеть навязчивых стариканов не обязана. Так что с легким сердцем нагрубилась надоедале:

– Get out of here!¹⁰

– Я же хотел как лучше! – обиделся старичок.

– Как вы меня задолбали, – вздохнула Наташа по-русски, имея в виду всех в мире навязчивых стариканов.

Впрочем, чего она злится? *Долбать* ее больше никто не будет – обратной дороги на остров нет.

Наташа вспомнила, как побежала к управляющему – сразу, едва получила письмо о смерти отца:

– Мистер Маккинзи, мне нужно срочно уехать!

Маккинзи – она выдернула его из постели – очумело захлопал глазами:

– Куда? Зачем?

– У меня умер отец. Нужно успеть на похороны.

И тут шеф ее поразил. Он строго сказал:

– Но у вас же контракт, Наташья!

– Я поеду в Москву за свой счет. И обязательно вернусь не позже чем через неделю, – заверила она.

– Вы меня не поняли, – покачал головой шеф. – Вам нельзя покидать остров до тех пор, пока действие контракта не истечет.

– Я повторяю: мне нужно попасть на похороны отца.

Наташин голос заledenел, глаза сузились. Маккинзи посмотрел на нее с удивлением и терпеливо сказал:

– Я понимаю ваши чувства, Наташья, но на завтра у вас намечено три урока по теннису. И на послезавтра, если не ошибаюсь, четыре.

– У вас блестящая память, – саркастически похвалила шефа Наталья. – Но на похороны я все-таки поеду.

– В таком случае, – твердо сказал Маккинзи, – можете считать свой контракт расторгнутым.

Шефу, видно, очень нравилось чувствовать себя вершителем судеб и говорить подчиненным роковые слова. Произнес их – и уставился на Наташу с плохо скрываемым любопытством: как она себя поведет? Заплачет? Извинится? Начнет упрашивать, чтобы ее не увольняли?

Но Наталья только улыбнулась и протянула шефу руку:

– Что ж, тогда всего доброго, мистер Маккинзи. С вами было очень приятно работать. Я улечу завтра утром.

⁹ Я могу вам помочь? (англ.)

¹⁰ Убирайтесь отсюда! (англ.)

Шеф, кажется, расстроился – видно, хотелось посмотреть, как русская гордячка начнет рыдать-умолять. И сухо сказал:

– Тогда и вам всего доброго.

И на прощание все-таки отомстил. Сказал сладеньким голоском:

– Только улететь утром – это вряд ли возможно. Вы сами знаете...

Наташа знала прекрасно: по утрам туристы с их острова улетают на легкомоторных «Сеснах» – чтобы успеть в аэропорт Мале на дневные рейсы. «Сесны» грузят туристами под завязку, бывает даже, что бортпроводнику места не хватает и ему приходится оставаться на острове и ждать, пока самолет вернется обратно. А *прилетают* гости – во второй половине дня. Высадив их, самолеты возвращаются в Мале порожняком, и билет до мальдивской столицы стоит сущие копейки.

– Я заплачу полную стоимость утреннего трансфера, – твердо сказала Наталья. – И полечу именно утром.

– Бесполезно, – отрезал шеф. – Утренние самолеты переполнены.

– У меня почти нет вещей. Разве не найдется единственного местечка? – вежливо спросила она. – Я согласна лететь, где угодно, хоть в багажном отсеке.

– Боюсь, что нет, Наташья, – ледяным тоном отрезал шеф. – Повторяю: мест на завтрашнее утро нет. Уж я-то знаю.

«Все ты врешь», – мысленно ответила она. Но спорить с шефом не стала. В пять – так в пять. В половине шестого она прилетит в аэропорт Мале, а в девять вечера есть ночной рейс на Москву. Не очень, конечно, удобно вместо сна ворочаться в самолетном кресле – но что поделаешь. Зато прибывает рейс в шесть утра. Как раз будет время принять душ и к десяти успеть на похороны.

Но только кто же знал, что в Москве разразится гроза и самолет из русской столицы безнадежно опоздает?!

...Наташа вздохнула и подошла к телефону-автомату. Нужно предупредить, что она задерживается.

Звонить решила брату – а кому еще? С отцовской женой (точнее, уже вдовой) отношения у Наташи напряженные; сестре, Ритке, звонить некуда – она сейчас тоже, наверно, в дороге – летит из Лондона. Значит, остается только брат. Денис.

Денис взял трубку сразу, его голос звучал вполне свежо и бодро, где-то в недрах квартиры играла музыка.

– Диня, у меня ужасные новости, – доложила Наталья. – Я не успеваю на похороны.

И, путаясь и сбиваясь, начала рассказывать, какая тут незадача с самолетами, а денег на первый класс, чтобы лететь через Лондон, у нее нет...

Но Денис ее даже не дослушал. И срочно перевести деньги, как втайне надеялась Наташа, не предложил. Спокойно сказал:

– Не понимаю: что тут ужасного? Ну, прилетишь не к похоронам, а к поминкам. Подумаешь, проблема!

– Но...

– Что, так хочется бросить горсть земли на гроб? – поинтересовался брат. И заверил: – Я брошу и за тебя, можешь не волноваться.

Наташа удивилась: Денис, конечно, циник, но не до такой же степени! Перебрал, наверно, чтобы нервы успокоить, вот и несет явную чушь...

– Ты чего, пьяный? – уточнила Наташа.

– Я – не пьяный. Я – навеселе, – ответил брат. И засмеялся.

От его смеха – на третий день после смерти отца – Наташу передернуло. Она пробормотала:

– Станный ты какой-то, Диня...

– А, Наташка, не бери в голову, – все еще смеясь, попросил Денис. И предложил: – Давай, я Ленчика в Шереметьево пришлю? Он тебя встретит и доставит – из аэропорта прямо к скорбной трапезе.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Было бы неплохо. (Хотя в России теперь и не жила, а не забыла, каково это: ловить такси из Шереметьева.)

– Спасибо на хлеб не намажешь... А песок ты мне везешь? – вдруг спросил брат.

– Какой песок? – не поняла Наталья.

– Как какой? Мальдивский. Сама же рекламировала: белый, как сахар, нежный, как бархат. Не помнишь, что ли? Ты предложила, а я уже Майке пообещал. Она хочет инсталляцию сделать: песок, кораллы и ракушки.

«Какой еще песок в такой момент?! – мысленно удивилась Наташа. – Все-таки какой-никакой, а отец! Неужели трудно соблюдать элементарные приличия?»

А брат между тем продолжал разглагольствовать:

– Впрочем, я уже понял. Про песок ты забыла... Хотя... Ты же еще на Мальдивах? Ну да, Мале – это ведь тоже остров! Дойди до пляжа и набери! Хотя бы маленький пакетик!

– Знаешь что, Диня... – разозлилась Наталья.

– Зануда ты, – вздохнул брат. – Ладно. Обойдусь без песка. Ну, бывай. Встретимся завтра. На вечеринке. – Он снова засмеялся, но в этот раз смех прозвучал вымученно. – Все, пока.

Вот и поговорили – Денис положил трубку. Не очень-то вежливо для мужчины, пусть и родного брата, класть трубку первым. И потом, она ведь хотела его расспросить: что все-таки случилось с отцом? В письме, которое пришло ей на остров, говорилось кратко: «скоропостижно скончался». Но такая формулировка может значить что угодно. Авария. Инфаркт. Любой несчастный случай...

Но перезванивать Денису Наталья не стала. Он сегодня такой неприветливый, если не сказать – отвратительный... Интересно, что случилось с братом? Может быть, у него нервный срыв, потому и ведет себя так странно?.. Но у Дениса не бывает нервных срывов, он всегда, как бы определить это одним словом... Адекватный. Адекватный, лучше не скажешь. Когда надо – веселый, когда требуется – сдержанный, если необходимо – холодно-надменный. А вот сегодня – именно странный. Веселится – тяжело, с надрывом – в ситуации, когда нужно быть если не скорбным, то хотя бы сдержанным.

Наташа задумчиво отошла от телефона. Добрела до магазинчика «дьюти-фри». Все-таки купила себе еще один слабоалкогольный коктейль. Заодно приобрела и песок – упакованный в изящную жестяную баночку. Стоил он целых пять долларов, но все равно это лучше, чем среди ночи в кожаных босоножках шкандыбать на пляж. Пусть уж Денис порадуется... Но все-таки: почему он так непонятно себя ведет?

И вдруг в голову пришла столь неожиданная мысль, что Наташа даже шаги замедлила. Денис даже не считает нужным скрывать: ОН РАД, ЧТО ОТЕЦ УМЕР.

«Фу, какие глупости... – охолонила себя Наталья. – Но что все-таки случилось с папой?»

* * *

23 июля, пятница, ранний вечер.

Москва.

Наташа

После всех мучений, после болтанки над территорией Ирана, после бесконечных пьяных выкриков соседей-пассажиrow самолет все-таки сел. Бодяга с пограничным контролем и багажом, по счастью, не затянулась, и уже в семь часов вечера Наташа, часть пестрой толпы туристов, схватила с транспортера свою сумку и поспешила в «зеленый» коридор.

Ленчик, водитель Дениса, ждал ее на бладном местечке, в зоне прилета, куда обычным встречающим «вход категорически запрещен» – охранникам приплатил, наверно. Увидел Наталью, просиял, бросился к ней:

– Шикарно выглядите, Наташа!

Подхватил ее сумку и обволок оценивающим взглядом.

– У вас такой загар, и глаза сияют, и...

Наташа поморщилась и решительно оборвала поток комплиментов. Совсем не то сейчас состояние, чтобы кокетничать с туповатым Ленчиком. Сколько можно гадать – нужно, наконец, выяснить. И, с места в карьер, она спросила:

– Скажи мне: отчего умер отец?

Ленчик тут же сник:

– А вам... вам разве не сообщили?

– Мне сообщили: «скоропостижно скончался». И все, – сухо ответила Наталья. – Расскажи, пожалуйста, что случилось.

– Так он... – Ленчик мучительно подбирал слова. – Так эта... Приедете – вам все и расскажут.

Ее голос заledenел:

– Нет. Я хочу знать сейчас.

Когда-то от такого тона Наташины подчиненные ежились. Видно, навык остался – съезился и Ленчик.

– Ну, это... убили его, – неохотно пробормотал он.

– Что-о?... – Наташа замерла, остановилась. Мимо текла толпа загорелых, беспечных и веселых людей – они только что прилетели с Мальдив и спешили к такси и машинам.

– Встала, будто колода, – тут же обругала ее какая-то пассажирка.

– И правда, пойдете, Наташа, – попросил Ленчик.

– Я никуда не пойду, пока ты мне все не объяснишь, – отрезала она.

– О господи! – водитель в отчаянии закатил глаза. – Да что ж объяснять-то, я сам почти ничего не знаю!

– Значит, расскажи, что знаешь, – велела Наталья.

– Ну... Ехал он домой. А машину его взорвали. Тачка в клочья, отец ваш насмерть, идет следствие – вот все, что слышал.

– Кто взорвал?... Как? – Наташа пыталась – и не могла – прийти в себя.

– Да кто ж знает – кто, – вздохнул Леня. – Говорю ведь вам, следствие идет. Можно сказать, только что началось. Пойдемте быстрее, пожалуйста. А то Денис Борисыч сердиться будет. Приедем – все и узнаете.

«Мне, наверно, нужно сейчас заплакать?» – отстраненно подумала Наталья.

В глазах и правда защипало. Ленчик вздохнул, перекинул ее сумку на плечо и взял девушку за локоток:

– Пойдемте, Наташа, прошу вас. В машине поплачете, если так хочется.

Она смахнула слезы.

– Что ты, Леня, я вовсе не плачу, – ее голос дрогнул.

Значит, вот что скрывалось под обтекаемым «скоропостижно скончался»... Значит, отец убит...

И тут же в голове стрельнула новая мысль, очень странная:

ЭТОГО И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ.

И снова Наташа остановилась, замерла, прислушалась к себе. Откуда взялась эта фраза? Почему она вдруг пришла в голову?

...Они уже подошли к машине. Ленчик уложил сумку в багажник, распахнул перед Натальей дверцу и с видимым облегчением уселся за руль – было видно, что вести машину ему нравится куда больше, чем утешать плачущих девушек.

– Ну что – с богом? – Ленчик взял с места так резко, что Наталью прижало к спинке сиденья.

И тут же возмущенно засигналил какому-то «Рено-Клио» с безусым парнишкой за рулем – пацан осмелился попытаться выехать с парковки вперед него. Наташа поморщилась: оказывается, она уже и забыла, какое оно – сумасшедшее столичное движение. Она вообще чувствовала себя чужой и слегка опьяневшей – от смены климата, от загазованного воздуха, от характерно быстрой московской речи. Очень быстро, оказывается, отвыкаешь от столичного ритма жизни! Тут все так стремительно, безудержно... Кажется, она даже русский слегка подзабыла: Ленчика – и то понимала с трудом, а уж говорок диктора по радио и вовсе звучал, словно совершенно чужой язык. Или дело не в том, что она от русского отвыкла, а совсем в другом: москвичи говорят так стремительно, словно горох в коробку сыплют – та-та-та-та-та...

«Ничего. Освоюсь, – успокоила она себя. – Во всяком случае, вспоминать родной язык легче, чем со всеми говорить на иностранном. Нужно просто на нем разговаривать». Она спросила Ленчика:

– Как дело с отцом было?

– Не знаю я ничего... правда... – Он жалобно взглянул на нее. – Ну, говорят, пластита до фига подложили... Килограмм пять, что ли...

– Где это случилось?

Шофер вздохнул:

– Подъездную дорогу к коттеджу знаете? Ее и заминировали.

– Кого-нибудь подозревают?

– Наташа, пожалуйста! – попросил Ленчик. – Мне Денис Борисыч велел... ну... чтоб без слухов. Спросите лучше у него, ладно?

– Хорошо, – вздохнула Наталья. – Тогда расскажи мне, где похоронили отца.

Ленчик вздохнул в ответ. Ему явно было нелегко – вести машину со всеми атрибутами московской езды – подрезать, сигналить, выезжать навстречу – и одновременно поддерживать беседу. Но все же ответил – кратко, в лапидарном стиле:

– Теляево. Были шансы на Ваганьковское. Не захотел. Удивились. Что делать?

«Ленчиков ответ переводить надо», – подумала Наташа. И перевела: «Планировали похоронить на Ваганьковском. Но оказалось: отец просил, чтобы его похоронили в Теляево – в коттеджном поселке. Такого поворота не ожидали, но волю покойного выполнили».

– Там разве есть кладбище? – удивилась Наташа.

Она хорошо помнила поселок, где в последние годы жил отец: несколько десятков кирпичных особняков за кирпичными неприступными заборами. Из инфраструктуры – только причал для лодок и круглосуточный магазинчик-палатка, а где там кладбище?

– Деревня. Березы. Грачи, – хмыкнул Ленчик.

И Наташа снова «перевела»: значит, на деревенском кладбище. За околицей деревни Теляево, к которой приписан коттеджный поселок. Под сенью берез... Что ж, отец заслужил покоя – хотя бы в смерти.

– Ублюдки... – пробурчал Ленчик.

Наташа вопросительно взглянула на водителя – он махнул в сторону ржавой «шестерки» с компанией подростков. Машина гордо плелась по самой середине дороги со скоростью не больше пятидесяти. Ленчик, надсадно сигналив, сел «шестерке» на хвост, принялся мигать дальним светом – по встречной не обгонишь, идет сплошной поток грузовиков.

– Куда ты летишь? – укорила водителя Наташа. – Я уже не спешу. Все равно опоздала.

– Денис. Не позже восьми. Нотариус. Завещание, – в том же кратком стиле отрапортовал шофер.

«Значит, брат велел, чтобы он привез меня к восьми – потому что придет нотариус и огласит завещание. Ну, конечно, как же без нотариуса – с отцовским-то состоянием!»

– А почему такая спешка? – удивилась Наташа. – Ведь только сегодня похоронили...

Она не ожидала, что Ленчик ответит на вопрос: откуда ему-то знать? Однако водитель ответил. Поморщился и объяснил:

– Рита. Лондон. Дети. Спешит. – А Ритка разве без детей приехала? – удивилась Наташа.

Сестра – вот уж сумасшедшая мать! – обычно никогда не расставалась с детьми. В былые, богатые, времена Наталья пару раз приезжала в Лондон, приглашала сестру на обед или чай – и та всегда являлась с малышами, даже если они договаривались встретиться в каком-нибудь чопорном и фешенебельном ресторане. Дети шалили и визжали, официанты морщились, а Рита держалась как ни в чем не бывало.

– Специально не привезла. Психология, – презрительно фыркнул Ленчик. – Боится нервировать.

Ах, ну, конечно же, Наташа и забыла: Ритка ведь воспитывала детей по какой-то заграничной системе, кажется, японской, – и система гласила, что до десяти лет малыши должны получать только положительные эмоции. А тут: похороны, гроб, слезы... К тому же дедушку малыши едва знали: общались только по телефону и даже не видели ни разу.

– С кем же дети остались? – поинтересовалась Наташа. – С Питом?

– Нет. Бонна. Рекомендации. Но все равно боится. – Ленчик опять фыркнул. – Спешит обратно.

«Нехорошо это, – подумала Наташа. – Едва похоронили – и сразу завещание... А я и вообще получаюсь сволочь: даже на похороны не попала – сразу на оглашение. Впрочем, на Западе, по-моему, именно так и бывает во всех богатых семьях: утром похоронили, а уже вечером – наследство делят».

А Ритка, выходит, теперь живет «по-западному»: хочет как можно быстрее узнать отцовскую волю – и домой, в Лондон. Что ж, ее можно понять. У сестры с отцом свои счеты...

Наташа прикрыла глаза – от усталости и чтоб не видеть очередных шоссейных подвигов Ленчика. И сразу же накатило воспоминание: Рита, тогда еще совсем юная, яростно кричит отцу:

– Как же я тебя ненавижу!..

* * *

Тогда, десять лет назад, они были совсем другими.

Денис, худощавый, самоуверенный пятикурсник. Она сама – второкурсница, фанатевавшая от студенческой жизни – какой разительный контраст с ненавистной школой! И ершистая (переходный возраст!) девятиклассница Рита с первыми мальчиками и слезами из-за *ugris vulgaris*...

– Совсем выросли мои птенчики, – вздыхала мама.

«Птенчики» действительно выросли. Болели первой любовью, решали первые взрослые проблемы. И не сразу поняли, что в их гнезде, в семье, случилась беда... А когда поняли – было уже поздно.

Они, конечно, и раньше видели: между родителями что-то происходит. За ужинами мама с папой едва перебрасывались парой слов – хотя еще недавно могли целоваться между супом и вторым, словно школьники. Совсем перестали сидеть рядышком перед телевизором, просматривая какой-нибудь «Окончательный анализ» с Ким Бейсингер и Ричардом Гиром. Прекратились и совместные поездки то в театр, то в магазин, то на природу. Отец больше не называл маму «лапулечкой», и, соответственно, нежное папино имя Борисонька превратилось в равнодушного Бориса.

Мама – особенно если подкрасться к ней незаметно – то и дело сидела в слезах. А отец, наоборот, все время был весел – лихорадочной, жесткой веселостью. Глаза поблескивают, губы вечно растянуты в неуместную, глупую улыбку.

Наташа покровительственным тоном спрашивала мать:

– Что случилось, ма? Что ты все киснешь?

Ей тогда было восемнадцать, и она ни секунды не сомневалась: в мире есть только черное и белое, простое – и очень простое. И мама должна просто ответить: что же с ней происходит? А дальше она, Наташа, излечит маму от любой хандры, это будьте покойны!

Но мама ей ничего не объясняла. Просто вздыхала и отвечала:

– Ничего, Наташенька, не случилось. Просто настроение плохое.

И дочь тщетно пыталась ее развеселить – таскала маму на выставки, в театры и даже в грузинский ресторан «Мзиури» с вечно пьяным вокально-инструментальным ансамблем. Но тоска из маминых глаз не исчезала даже перед самыми вдохновенными картинами, даже в самые волнующие моменты спектаклей... А в «Мзиури» мама вообще расплакалась – когда пьяненький вокалист из ансамбля с надрывом завыл из репертуара группы «Форум»: «Белая-я но-очь опу-устилась на-ад го-о-родом!»

И Наташа тщетно пыталась понять, зачем из-за «Белой ночи» так плакать...

Денис – он был самым старшим, целых двадцать два года – тоже переживал из-за мамы. Он понял, что происходит между родителями, быстрее девочек, но прятал беспокойство под напускным цинизмом, успокаивал сестер:

– Да не страдайте вы, девчонки! У папани нашего – кризис среднего возраста. Наверно, курочку себе завел, все они в таком возрасте любовницами обзаводятся... А маманя небось узнала, вот и куксится. Но только чего уж тут страдать? Дело житейское. Седина в бороду – бес в ребро. А на девицах мужики все равно не женятся, не бойтесь. Так просто, гуляют. А потом – домой, к женам.

Сам Денис в то время «курочек» менял, как перчатки, и отца в глубине души понимал: мамуля у них, конечно, классная, но это какой же надо героизм иметь, чтобы всю жизнь прожить с единственной женщиной! Денису девчонки обычно хватало на пару месяцев, не больше, потом бросал и отправлялся на новую охоту.

...Но больше всех страдала шестнадцатилетняя Рита. У нее, самой младшей, отношения с мамочкой всегда были особыми, с самого детства, когда крошечная Маргаритка, вместо того чтобы возиться с куклами, хватала веник и пыталась подмести кухню. Да и мама Риту явно выделяла, любовно называла ее «Моя хозяйюшка, мое солнышко», а Наташа с Денисом даже не обижались. Что обижаться, если Ритка действительно уродилась хозяйюшкой. То и дело в кухне торчит: то пироги вместе с мамой клепают, то стругают какие-то особые, навороченные салаты. Или сидят рядком на диване и вышивают на пяльцах глупые цветочки. А у Наташи с братом к домашним хлопотам ни склонности, ни интереса. Да и заняты оба под завязку: у нее, помимо стандартной учебы, теннис с иностранными языками, у Дениса – карате и программирование. Им даже посуду помыть некогда – да и зачем? Ритуля, добрая душа, без звука и над раковиной вместо них постоит, и одежду им переглядит.

...А обстановка в семье между тем накалялась. Теперь отец частенько не приходил ночевать, а когда бывал дома – в квартиру то и дело названивал сладкий девичий голосок и требовал к телефону «Бориса Андреевича». Причем голоску хватало наглости просить отца, даже если к аппарату подходила мама.

Наташа однажды решила вразумить родителя. Говорила, как ей казалось, вполне разумные вещи: «Папуль, я тебя понимаю, конечно... Любовь-морковь, все дела. Но пусть эта мымра хотя бы сюда не звонит!»

– Ах, Наташенька! – досадливо вздохнул папа. – Ты просто еще молода и ничего не понимаешь! И не смей, пожалуйста, называть ее мымрой.

А у Риты, которая тоже решила повлиять на папу, и вовсе получилась не беседа, а скандал. Деталей сестра не рассказывала, но выбежала из отцовского кабинета вся в слезах и долго рыдала за закрытой дверью в ванной, так что уже думали вызывать слесаря и взламывать...

Даже невозмутимый Денис – и тот заволновался. Он, конечно, повторял сестрам: «Да бросит он скоро эту телку, зуб даю!» Но уверенности в его голосе становилось все меньше и меньше...

И вскоре разразилась катастрофа. Отец вызвал детей в свой кабинет и сообщил, что принял решение:

– Я обещаю вам: вы навсегда останетесь моими детьми. Самыми любимыми, самыми лучшими. Я всегда буду помогать вам и заботиться о вас. Но... в общем, вчера мы с мамой подали на развод.

– Ты порешь горячку, па, – твердо сказал Денис. – Ты об этом еще пожалеешь.

– Я тоже не понимаю, – подхватила Наташа. – Ну, втрескался, с кем не бывает! Любишь – и люби себе тихонько. Зачем с мамой-то разводиться?

И только Рита смертельно побледнела и промолчала. А когда они уже выходили из кабинета, вдруг остановилась на пороге и выкрикнула:

– Ненавижу тебя! Как же я тебя ненавижу!!!

* * *

Ленчик домчал Наташу в особняк, как и обещал: к восьми вечера. Гордо постучал по часам на панели приборов:

– Как заказывали: ровно двадцать ноль-ноль.

– Молоток! – машинально похвалила Наташа, мысленно посылая водителя в преисподнюю. Это же надо так ездить: до сих пор все кишки дрожат.

Ленчик, явно рисуясь, не стал дожидаться, пока автоматические ворота распахнутся до конца, и загнал машину во двор через предельную щелку: створка прошла в сантиметре от лакированной двери «Бимера».

«Никогда больше с ним не поеду!» – пообещала себе Наташа. А Ленчик выскочил из автомобиля, галантно распахнул перед ней дверцу, промолвил:

– Добро пожаловать, Наташа!

И напоследок наградил неуклюжим комплиментом:

– Вот вы не дали мне договорить, а я скажу – сроду такого загара не видел. Супер. Вы – как индианка.

Наташа вяло улыбнулась в ответ: вот именно, индианка. В Индии – было бы в самый раз, а здесь, в интерьере элитного подмосковного коттеджа, ее загар смотрится весьма неуместно – мраморные статуи и гипсовый фонтан, казалось, требовали только белого цвета... Бледно-белого. Траурного.

Навстречу из особняка ей навстречу уже спешила вторая жена отца.

Тамара. Та самая. Когда-то они называли ее мымрой. Когда-то они, все трое детей, изо всех сил желали ей смерти.

– Наташенька... – протрещетала Тамара.

В глазах – столько радости, будто родную дочь увидела, хотя Наташа поспорить может: Тамара ее не переваривает. Но как научилась придуриваться! Мачеха легким прыжком соскочила с крыльца, бросилась к падчерице, обняла, уместила ухоженную головку на Наташином плече, запричитала: – Наташа! Ну как же так?! Как же так получилось, а?

Объятия мачехи Наталье совсем не нравились, но вырываться она не стала. Успокаивающе погладила Тамару по аккуратной, волосок к волоску, прическе и привычно принялась: какие на этот раз у нее духи? Аромат оказался незнакомым, и Наташа расстроилась: похоже, совсем она на своем острове отстала от жизни и от моды. Впрочем, угнаться за Тамарой у Наташи не получалось и раньше – пока жила в Москве и сама изо всех сил модничала. Но в их негласном с Тамарой соревновании всегда побеждала мачеха. Хотя и старше Натальи всего на два года, но стилия, вкуса и таланта шикарно одеться, эффектно подать себя – у Тамары больше в разы.

Вот и сейчас, вроде бы в трауре, и плачет на Наташином плече, но так и хочется назвать ее не «безутешной», но – «очаровательной» вдовой. Платье у Тамары, разумеется, черное, и длина – строго по этикету, ниже колена, и плечи тактично закрыты. Только послушная ткань (дорогая, как минимум от «Гуччи») будто специально подчеркивает тонкую, не больше шестидесяти «сэм», талию и пышную грудь обрисовывает, а уж стройные щиколотки, обтянутые тонкими черными колготками, и вовсе выше всяких похвал. Из-под кружевного платка цвета ночи элегантно выбиваются хорошо промытые светлые пряди, ну а черные, тоже по похоронной традиции, туфли имеют каблук как минимум сантиметров в десять.

«Как была *стервой*, так и осталась», – раздраженно подумала Наташа и аккуратно стяхнула мачехины объятия.

– Тамар... я только с самолета, устала зверски... Можно, я в дом пройду?

– Конечно, миленькая, – засутилась мачеха. – Проходи, устраивайся. Я уже и комнату приготовила, на втором этаже. Угловую. Там кровать, правда, узенькая, односпальная, но ведь ты к односпальным привыкла...

«Так всю жизнь и пролежишь в односпальной. Одна», – прочитала Наталья между строк.

– Без разницы, какая там кровать. Мне лишь бы рухнуть...

Ленчик уже подволок к крыльцу ее чемодан, но в дом не заходил. Стоял у порога, вопросительно поглядывал на Тамару.

– Ты что, не слышишь? – голос Тамары заледенел. – Второй этаж, спальня в восточном углу. Ступай.

«Ух ты, – восхитилась про себя Наталья, – какие мы стали барыни! Как вести себя с «прислугой» научились! Это ледяное «ступай» – вообще выше всяких похвал!»

Ленчика, похоже, тоже позабавили Тамарины интонации. Он дернул плечом и фыркнул – но, правда, только когда Тамара от него отвернулась. А сам пробубнил:

– Вещи Натальи Борисовны я, конечно, отнесу. Да только меня Денис Борисыч отпустил. До завтра, до утра.

Реплика его, конечно, на деле означала: «Вы хоть и крутая барыня – да мне не указ, у меня свой начальник – Денис, ему я и подчиняюсь».

– Да чего там нести? – спохватилась Наташа. – Совсем не тяжелое.

– Ладно, тогда можешь ехать, – по-прежнему царственно разрешила мачеха Ленчику. И светски сообщила Наташе: – Мы уже сели за стол, присоединяйся. Но ты ведь сначала захочешь принять душ?..

Она оглядела ее всю: от запыхавшихся в дороге босоножек до растрепанной прически. В глазах читалась жалость: «Вот растрепуха!»

– Всю ночь в аэропорту пришлось проторчать, – смущенно пробормотала Наташа.

Что за напасть: сколько она тренируется, чтобы не робеть перед мачехой, а все равно: эта холеная змея постоянно вгоняет ее в краску. И чего отец в ней нашел?! Бедный папа!

– Правда, Денис, Маргарита и Михаил Вячеславович хотели поздороваться с тобой немедленно, сразу, как ты приедешь... – Тамара явно упивалась ее смущением.

Ритке и Денису, конечно, наплевать, что она вся пыльная, и короткие дорожные шорты они не осудят: пусть несолидно, зато загар шикарный, настоящий тропический. Но вот Михаил Вячеславович... господин Инков... доверенный коллега отца... Наташа его не любила даже больше, чем мачеху. И совсем не спешила с ним встречаться. Вот отдышится она, примет душ, переоденется, соберется с духом...

– Я спущусь к столу через полчаса, – холодно пообещала Наталья.

Оттерла Тамару от входной двери и на цыпочках, чтобы не привлечь к себе внимания, проскользнула к лестнице, ведущей в верхние комнаты.

* * *

За сутки до описываемых событий.

Москва, утро.

Валерий Петрович

Валерий Петрович Ходасевич готовил мусаху: баклажаны, тушеные с говядиной и болгарским перцем.

Блюдо требовало сноровки, терпения и таланта. Длинный список ингредиентов, с десятком кулинарных тонкостей и как минимум два часа времени. Но мусаха того стоила. Настоящее пиршество. Валерий Петрович с удовольствием вспомнил, как в прошлый раз на изыс-

канный ужин пожаловала Татьяна, любимая падчерица. Как сначала отказывалась садиться за стол, отговаривалась какой-то новомодной диетой. Но едва сунула нос в кастрюлю, вдохнула непередаваемый аромат тушеного с баклажанами мяса, и про диету больше не вспоминала. Умяла полную тарелку и даже забыла, что в любой обстановке ест строго по этикету – вилка в левой руке, нож – в правой, – выгребала соус столовой ложкой и хлебушком подчищала...

Каждый раз, когда Ходасевич думал о падчерице, он поневоле улыбался. Не подарок, конечно, девица: суматошная, взбалмошная, своенравная... но только нет большей радости, чем кормить милую Танюшку мусахой. И слушать, как она болтает своим залившимся голоском разную милую ерунду. И отбиваться от ее бесконечных нападок: «Ты много куришь! Ты опять пополнел!»

«А какие еще радости у пенсионера? – вздохнул Ходасевич. – Только своих близких вкусненьким побаловать да пообщаться с ними...» И он начал аккуратно срезать головки у баклажанов.

Валерий Петрович, полковник КГБ-ФСБ, пенсионерствовал уже много лет. Хотя и называл он свою жизнь «стариковской», но отставка, если положить руку на сердце, его совсем не тяготила. Слишком много нервов было отдано службе. Слишком много сил. Как пишут в современных резюме, работал он «под постоянным давлением». На износ, без выходных и праздников. А больше всего выматывали вечные «американские горки». То счет идет на минуты – то мучаешься от томительной неопределенности. То должен выглядеть жестко – а через полчаса играть роль простака-увальня. Просчитывать десятки вариантов развития событий – и одновременно сосредотачиваться на текущей задаче...

Валерия Петровича до сих пор мучил кошмарный сон – без сюжета, на уровне ощущений: будто он стоит один, на безликой площади чужого города. И знает: где-то его ждут, но он не знает, где. Он обязан предпринять что-то срочное, от его решения зависит исход операции – а он никак не может вспомнить, что именно ему нужно сделать...

После таких снов Ходасевич просыпался в холодном поту и долго расхаживал по темной ночной квартире: пил корвалол, курил в окошко, ждал рассвета, смотрел, как просыпаются воробьи... И каждый раз заново осознавал, что он наконец свободен. И каждый раз радовался, а потом засыпал – бездумно, часов до одиннадцати, как позволено спать только пенсионерам...

Правда, свои навыки и умения полковник не забывал. Физическая форма, конечно, оставляла желать, и лишнего веса он набрал изрядно: падчерица утверждала, что килограммов на сто двадцать потянет. Ходасевич с ней не соглашался: говорил, что веса в нем, как в Поддубном: ровно шесть пудов. На самом деле истина пролегла где-то посередине – весил он сто десять кило. Но худеть – как вечно худела Татьяна – Валерий Петрович не пытался и не собирался. Ел вдосталь, физкультурой не занимался. Утешал себя рассуждением: «Разве вес – это главное? Куда важнее, чтобы мозги оставались свежими, всегда «готовыми к бою». Вот мозгу, чтобы не зачах, действительно нужна постоянная тренировка. Поэтому Валерий Петрович, если его просили – а просили частенько, – до сих пор консультировал коллег. Давал советы любимому ученику, Паше Синичкину, – тот основал детективное агентство, следил за подозреваемыми умело, дрался лихо, а вот с «мозговым штурмом» справлялся с трудом. Помогал Валерий Петрович и любимой падчерице – Танюшка постоянно влипала в разные истории. А когда никаких дел не было, тренировался на детективах: читал романы, в основном классиков – Чейза да Стаута, и пытался понять, кто преступник, еще задолго до развязки. А потом, когда изверга настигало возмездие, продумывал, как бы он сам совершил подобное преступление... В общем, милые пенсионерские забавы. Из той же серии, что колдовать над мусахой.

«Интересно, нагрнет сегодня Танюшка или не нагрнет?» – гадал Ходасевич. Падчерица не появлялась уже неделю, он скучал о ней и не сомневался, что Татьяна об этом знает. Танюшка всегда, каким-то шестым чувством, улавливала, что нужна отчиму... Посему падчерица скорее всего объявится. Не сегодня – так завтра, когда мусаха настоится и станет еще вкуснее.

Валерий Петрович почистил чеснок, измельчил его и взялся за мясо: для мусахи его нужно разделять особенно тщательно, чтоб ни жилки, ни пленочки. Потом залил говядинку бульоном и сполоснул руки: самое время для перекура. Едва щелкнул зажигалкой, как зазвонил телефон. «На ловца и зверь бежит», – улыбнулся Ходасевич, снимая трубку. Но это оказалась не Татьяна.

– Валерий Петрович? – раздался взволнованный мужской голос.

Голос был знакомым.

– Да. – Ходасевич мгновенно включил свою тренированную память, прокрутил в уме сотню имен и вспомнил: – Привет, Денис. Как жизнь?

– Спасибо – узнали, – облегченно ответили в трубке.

– Еще бы я своего спасителя не узнал! – Ходасевич не смог скрыть теплых ноток в голосе. И радушно пригласил: – Я тут мусаху приготовил. Приезжай.

Валерий Петрович не сомневался: Денис откажется. Разве до мусахи ему, серьезному бизнесмену, разве до праздных посиделок с отставным полковником?

Но тот неожиданно ответил:

– Можно?! Я прямо сейчас бы мог...

– Конечно, жду тебя.

Валерий Петрович продиктовал адрес. Потом положил трубку и растерянно обвел взглядом квартирку: прямо скажем, и бедненько, и не очень чистенько... Впрочем, Денис вряд ли едет к нему за тем, чтобы любоваться скромными однокомнатными апартаментами.

* * *

С Денисом Конышевым Валерий Петрович познакомился пару лет назад в дачном поселке Хотьково.

Сам Ходасевич, горожанин до мозга костей, никогда даже не думал о даче. «Райские кущи» ему навязала Татьяна. Падчерица не раз возмущалась, что полковнику не удалось получить участок «от государства», и однажды пафосно заявила:

– Раз государство не додало – я тебе сама компенсирую!

Зарабатывала падчерица хорошо: была одним из лучших столичных спецов по рекламе.

Домик для Ходасевича явился сюрпризом: Таня хоть и не кровная дочь, а «шпионскую операцию» провернула грамотно, в кромешной тайне. Сама выбрала домик, сама купила на имя отчима, сама зарегистрировала сделку, а свидетельство о «собственности» отправила ему по почте: чтобы уж точно не отказался.

Ходасевич получил купчую и пришел в ужас.

– Танюшка, да какой из меня дачник?! – чуть не взвыл он. – Ты что, не знаешь? Я ж без города – никуда...

– Ты только понюхаешь, какой там воздух, и больше в Москву ни ногой, – отрезала падчерица.

– Да не нужен мне никакой воздух! Мне и здесь хорошо! – взмолился Валерий Петрович.

– Нет, нужен. Все старики... то есть, прости, все пенсионеры на дачах живут. А ты чем хуже?

– Ты можешь меня представить... скажем, с коромыслом? – усмехнулся Ходасевич.

– Какое коромысло! – засмеялась Татьяна. – Там все удобства имеются. Свет, вода, газ и канализация, в смысле – септик. А на кухне – и плита, и вытяжка, и даже посудомоечная машина.

– Ну, если так... – пробормотал полковник, потихоньку примираясь. А что оставалось делать – не отказываться же?

Домик ему понравился. Воздух действительно оказался кристальным, под окном растут яблоньки, и тишина – полная, звенящая... Спалось в деревянном доме изумительно. Курилось на крыльце куда слаще, нежели в душной московской квартире. Только вот удобства хоть и выглядели красиво, а оказались не вполне городскими.

Посудомоечная машина после первой же загрузки жалобно пискнула и от дальнейшей работы отказалась. Вода из симпатичных никелированных кранов капала еле-еле, а газ – то коптил, словно жалкий свечной огарок, то вспыхивал олимпийским факелом... И Ходасевич с почти суеверным ужасом осознал: бороться с вышедшими из повиновения удобствами он не в силах. Ничего он не понимает ни в водоснабжении, ни в газификации... Он даже разбираться не стал, почему удобства «шалят», а просто решил признать свое поражение и позорно дезертировать в город. Именно в этот момент и появился Денис.

Дом Дениса (не чета деревянной дачке Ходасевича: кирпичный, двухэтажный, с огромной, сплошь стеклянной террасой) располагался на соседнем участке – можно перекрикиваться через стильную плетеную изгородь. Денис и крикнул:

– Эй, сосед! У тебя напор есть?

– Нет, – буркнул Ходасевич.

Он пребывал в самом раздраженном расположении духа и совсем не планировал вступать в беседы с каким-то «новым русским».

– А с газом как? – не отставал сосед.

– Тоже плохо.

– Вот байда! – расстроился собеседник. – И у меня еле теплится... Ладно, поеду сейчас разбираться.

Ходасевич с неудовольствием наблюдал, как сосед поместился в лакированный «БМВ» и стартанул так резво, что поднял на узкой грунтовой улочке целую песчаную бурю.

Полковник вернулся в дом, поставил на умирающую конфорку кофейник и целых сорок минут ждал, пока джезва вспенится пузырьками.

Но выпить кофе не успел – в дверь постучали. На пороге, сияя, словно красно солнышко, стоял сосед. Он радостно, как старому знакомому, улыбнулся полковнику и сообщил:

– Ну, урегулировал я проблемку! Построил этих рыл из правления, так что все будет: и газ, и напор.

– Где будет? – хмуро спросил Ходасевич. – У вас?

– И у меня, и у вас, – не смутился сосед. И спросил: – А, значит, теперь вы тут живете? Валерий Петрович кивнул.

– Ну, тогда давайте знакомиться. Меня Денисом зовут, а вас?

Ходасевич неохотно представился.

– А можно, я ваш дом посмотрю? – неожиданно попросил Денис. И объяснил: – Я почему прошу? Когда строиться надумал, колебался – каменный делать или деревянный. Вот и хочу посмотреть, как оно в деревянном, не прогадал ли?

– Смотрите, – пожал плечами полковник.

Денис шустро пробежался по дому, заглянул в удобства, открывал краны, зачем-то спускал в туалете воду, заглянул в посудомоечную машину, а завершив осмотр, вдруг выпалил:

– Вот что, Валерий Петрович. Обнаружены явные неполадки. Септик ваш на пределе, котлу пора на профилактику, да и трубы, похоже, засорились. Что будем делать?

– А что вы предлагаете? – против воли улыбнулся полковник.

Этот взбалмошный «новый русский» начинал ему нравиться.

– Давайте лучше на «ты», – попросил Денис. И тут же поправился: – В смысле, вы меня называйте на «ты». А я уж буду вас по имени-отчеству величать. А предлагаю я – бескорыстную соседскую помощь по устранению дефектов коммуникаций... – Он фыркнул и добавил с усмешкой: – Хорошо звучит?

– Ты сантехник, что ли? – снова улыбнулся Ходасевич.

В глазах нового знакомого прыгали такие задорные бесенята, что быть серьезным рядом с ним не получалось.

– Нет, я экономист. В смысле, по диплому, – почему-то с сожалением произнес Денис. – Но сантехник у меня имеется: в бытовке дрыхнет. А с ним – газовик и электрик. Вызывал их для себя, а с материалами заминка, вот они и бездельничают. Так что очень все кстати сложилось. Сейчас растолкаю их и к вам пришлю. Все наладят в лучшем виде, не сомневайтесь.

Ходасевич слегка смутился. Сантехник, газовик, электрик... вряд ли они будут работать бесплатно, а денег у него с собой было совсем немного. Но Денис будто бы прочитал его колебания.

– Только вот, Валерий Петрович, какая просьба: начнут вымогать на бутылку – не давать ни под каким видом, договорились?

– Бесплатно, по-моему, только воробьи летают, – заметил полковник.

– Не бесплатно, *а по-соседски!* – вдруг рассердился Денис. – А гаврикам этим я и без того зарплату плачу. Они у меня в штате.

– В штате? А где ты работаешь? – поинтересовался полковник.

– А я директор инвестиционной компании, – ответил Денис. И пояснил: – Дома строю. Большие, многоэтажные, по такой системе: утром деньги – через год квартира. Компания молодая, но кое-что уже сдали, кое-что – строим.

– Молодцы, – похвалил Ходасевич.

Он не без удивления разглядывал Дениса: тот совсем не походил на директора, тем более инвестиционной компании – совсем юный, на вид не старше тридцати, глаза – беззаботные и носом шмыгает, как пацан... «Надо будет с Татьяной его познакомить», – вдруг подумал полковник.

...Танюшка с Денисом друг другу понравились, но романа между ними не склеилось. «Мы оба – слишком начальники, – пояснила Таня отчиму. – А Денису курочка нужна: чтоб в рот смотрела и говорила: «Да, дорогой, конечно, дорогой, как ты скажешь». Да у него, по моему, уже и есть такая».

– Женат?

– Не говорит, но, кажется, да.

– Очень жаль, – огорчился отчим. – Парень хороший, мне понравился. Правильный такой...

– ...до зубной боли, – перебила Татьяна. – И скучный. Только и знает, что про кирпичи рассказывать. А еще – про бетон и про фугенфюллер.

– Про что?!

– Фугенфюллер. Это штукатурка такая. Но ты не переживай! – заверила падчерица. – С Денисом мы друзьями остались. Зато в тебя он – просто по уши влюблен! А уж особенно, как я сказала ему, где ты работал, он в экстаз пришел!

– Болтушка ты, Татьяна! – рассердился отчим. – Сколько лет тебя учу: никогда не выдавай лишнюю информацию!

– Все продумано, – отрезала она. – Денис нос дерет, что он весь из себя такой генеральный директор. А ты теперь будешь важничать, что ты – разведчик и аналитик, и неизвестно еще, кто из вас круче, понятно?

Отчим от Татьяниной логики только головой покачал.

...Теперь, после лестной аттестации падчерицы, Денис и правда смотрел на него любопытно-восторженными глазами, и Ходасевич только про себя усмеялся... Впрочем, соседским отношениям это только способствовало. Денис по-прежнему помогал полковнику то ремонтом, то дельным хозяйственным советом. Полковник же помощь принимал, а сам ничем ответить соседу не мог. Однажды даже разговор завел:

– Денис, я хотел бы вас как-то отблагодарить...

– Ни слова больше! – возмутился сосед. – Я же говорил вам: для меня это все такая мелочь...

– А для меня – нет, – нахмурился Ходасевич.

– Тогда идите ко мне в начальники охраны! – расхохотался Денис. И сам же ответил: – Так не пойдете же! Начохран должен быть дуб дубом, а у вас квалификация куда выше!

И Ходасевичу пришлось сказать:

– Ну, тогда подождем. Вдруг когда-нибудь тебе моя квалификация пригодится?

– Не дай бог! – замахал на него Денис.

– Вот и я говорю: не дай бог, – кивнул Ходасевич. – Давай лучше я тебе заплачу, а?

– Нет уж, Валерий Петрович, – хитро улыбнулся Денис. – Сами груздем назвались! Вот и ждите теперь, когда я с кузовом подъеду...

...Дениса «с кузовом» Ходасевич ждал больше года. За это время сосед обновил на его даче водопроводные трубы, приказал «своим архаровцам» привести в порядок септик и презентовал газовый котел – «я его в одном своем коттеджном поселке списал, специально под вас: очень клевый»!

И вот сейчас наконец приехал. Такой бледный, с запавшими глазами, что Валерий Петрович даже традиции соблюдать не стал. (А по традиции он гостя всегда сначала кормил и только потом спрашивал о деле.)

Но сегодня Ходасевич поинтересовался чуть ни с порога:

– Что-то случилось, Денис? Я могу чем-то помочь?

– Валерий Петрович, у меня убили отца, – бесцветным голосом откликнулся сосед по даче. – И я хотел бы, чтобы вы расследовали это дело.

Глава 3

23 июля, пятница, вечер.

Подмосковье, поселок Теляево.

Наташа

Наташа спустилась в столовую, как и обещала: через полчаса. Все уже ждали ее за накрытым столом.

– А вот и наша Наташенька! – с фальшивой радостью возвестила мачеха.

Наташа ответила Тамаре неприязненным взглядом.

Брат с сестрой особых восторгов не выразили.

– Привет, сестричка! – клюнул в щеку Денис. – Рад тебя видеть!

– Здравствуй, Натусик! – поцеловала в другую щеку Маргарита. – Садись быстрее!

А соплюшка Майя, жена Дениса, – та и вовсе поздоровалась «официально»:

– Добрый вечер, Наталья Борисовна.

Подчеркивает, что ли, дистанцию – что ей всего двадцать два, а Наташе – почти что тридцать?

На этом приветствия и закончились. Тропический загар никто не похвалил. Впрочем, какой уж тут загар, когда люди только что с похорон.

Атмосфера в столовой была мрачноватой, под стать всеобщему настроению: огромная люстра горела только в треть лампочек, и комната тонула в полумраке, портьеры зачем-то задернули, а на стол выставили тусклые, старинного серебра, приборы – они, как помнила Наталья, подавались только в исключительных случаях. Смерть хозяина, видно, таковым случаем являлась.

За столом собралось семеро. Разумеется, присутствовала вся семья: Рита, Денис с Майей и мачеха.

Рита, похоже, нервничала, Денис сидел мрачнее тучи, а у Майечки, вот удивительно, и вовсе глазки на мокром месте. Интересно, а ей-то что переживать из-за смерти свекра? Они едва знакомы были...

Конечно, не обошлось и без верного отцовского ординарца – противного Инкова, коллеги и заместителя. Этот на Наташу даже и не взглянул: они давно друг друга не переваживали, еще с давних, домальдивских времен. Бывает так: вроде и делить людям нечего, и никаких дел между собой не ведут – а неприязнь вспыхивает с первого взгляда... Наташа именовала Инкова «слизнем», он ее – «заснайкой», и благодаря отцу, который не счел нужным держать язык за зубами, оба о своих прозвищах знали.

Слизень Инков сидел в самом неудобном месте, на углу, и яростно, будто сейчас отнимут, налегал на поминальную пищу.

А еще в столовой имелся неизвестный Наташе толстяк. Он представился Валерием Петровичем и вежливо сообщил, что его привел с собою Денис.

Наташа вопросительно взглянула на брата – интересно, зачем он притащил постороннего на семейную встречу?

– Это мой хороший знакомый, полковник ФСБ. Он выясняет обстоятельства смерти отца, – скомканно пояснил Денис.

Наташа поморщилась: неужели нельзя *выяснить обстоятельства* попозже, не в день похорон? Впрочем, толстяк вел себя тактично, ел аккуратно, с вопросами не лез, и Наташа решила просто не обращать на него внимания.

Восьмая, домработница Вика, за столом не сидела: суетилась, разносила закуски, подливала напитки да еще и успевала всхлипывать в насквозь промокший платочек.

Во главе стола незримо присутствовал и девятый – отец. Ему тоже поставили прибор. Вика аккуратно выложила в отцовскую тарелку все виды кушаний, наполнила хрустальную рюмку водкой, накрыла ее черным хлебом. Рядом с тарелкой стояла фотография в траурной окантовке – Борис Андреевич на ней выглядел молодым, счастливым, и черная рамочка смотрелась совсем не к месту.

Наташа то и дело посматривала на карточку, и ей никак не верилось, что отца больше нет. Не может он умереть – ведь отец, как ей всегда казалось, вечный... Такие люди не умирают в расцвете сил, они живут как минимум лет до восьмидесяти! Так и хотелось выкрикнуть, чтобы все присутствующие вздрогнули: «Это неправда! Папа жив!»

Но *жизнь* отвечала ей: «Правда, Наташа, правда...» И на подоконнике немым свидетельством веером лежала пачка полароидных снимков: гроб, венки, разверстая могила, плачущая Майя, грустные Рита с Денисом, бесстрастная Тамара...

Наташа растерянно оглядела сотрапезников, пробормотала:

– Я пыталась Ленчика расспросить, но он почти ничего не знает... Как это все случилось?

– Ой, Наташенька, – запричитала мачеха, – давай не будем, прошу тебя. – По подкрашенным ресницам скатилась тщательно продуманная слезинка. – Мне так тяжело...

– Если тебе тяжело – можешь выйти, – отрезала Наталья. – А я хочу знать, как погиб мой папа.

Мачеха отпора, видно, не ожидала. Слезинка тут же высохла, зрачки сузились. «Точно, она – гадюка. Сейчас бросится – и ужалит».

– Прости, Тамара, – сбавила тон Наташа. – Я тебя понимаю, но и ты меня пойми. Уже третий день в неведении. – Она обернулась к Денису, сказала с укором: – Мы вчера с тобой по телефону говорили – а ты мне даже ничего не объяснил. Про песок какой-то просил... Вот, кстати, держи.

Она вручила брату коробочку, тот смущенно положил ее рядом с тарелкой, пробормотал:

– Я не хотел тебя расстраивать. В смысле, *еще больше* расстраивать. К тому же до конца ничего не известно...

– Что неизвестно? – повысила голос Наташа. – Ленчик сказал мне, что отцовскую машину взорвали. Это правда?

– Правда, конечно, но...

– А можно без вводных слов? – продолжала кипятиться Наташа.

– Успокойтесь, пожалуйста, – вдруг встрял в разговор незнакомый толстяк (и Денис с нескрываемым облегчением вздохнул). – Я вам все расскажу. Да. Это правда.

Пауза. Полковник явно собирается с мыслями, и Наталья уже приготовилась наброситься и на него. Но тот взмахом руки остановил девушку:

– Факты таковы. Девятнадцатого июля ваш отец возвращался с работы. На своем автомобиле «Лексус». За рулем был сам. На подъездной дороге к поселку Теляево его машина была взорвана. Мощность взрыва – примерно пять килограммов в тротиловом эквиваленте. Тип взрывного устройства – дистанционное управляемое по радиоканалу. Преступление

квалифицировано как теракт, исполнители и заказчики пока не установлены. Примите мои соболезнования.

В гостиной повисло молчание. Наташа гнала из головы картинку: окруженная лесом дорога... черный «Лексус», отец за рулем... и вдруг сноп пламени, грохот, и умирающие папины глаза...

– Но кто это мог сделать?! – наконец, тихо спросила она. – Зачем?! Это... из-за его бизнеса?

И снова ей ответил толстяк – ответил «никак», по-службистски обтекаемо:

– Следствие отрабатывает все версии, в том числе и эту.

Наташа была готова в очередной раз вспыхнуть – и снова полковник упрямил ее гнев. Сочувственно взглянул на девушку и произнес:

– Могу сказать пока только одно. В случае с вашим отцом была заминирована не машина, но – дорога. Не самое типичное преступление.

– Может, хотели убить не его? И он попал – случайно?

– И эта версия тоже сейчас отрабатывается, – кивнул полковник.

Мачеха достала черный платочек с черными же кружевами и демонстративно промокала им глаза. Денис беспокойно заерзал на стуле, прокашлялся, поднял рюмку:

– Друзья... господа... я хотел бы напомнить, зачем мы здесь все собрались...

– Успеется, Денис, – перебила Наташа.

Она совсем не боялась показаться невежливой – здесь все свои, переживут, а на чужих, толстяка с Инковым, ей плевать с высоченной колокольни. И подчеркнуто холодно обратилась к Инкову:

– Михаил Вячеславович! А у вас есть идеи – кто это мог сделать?

Инков нападения не ожидал. Поперхнулся, закашлялся, покраснелся... «До чего же жалкая личность!» – подумала Наташа.

– Я... я весь тот день провел в офисе... – невпопад проблеял заместитель отца.

Наташа в этот момент смотрела на Валерия Петровича – и увидела, как сверкнули глаза толстяка.

– Ну что вы! – усмехнулась Наталья. – Я совсем не имела в виду, что дорогу минировали вы... Но отцовский бизнес... Кому как не вам знать его от и до? На вашей фирме что-то случилось? У вас были неприятности? Вы кому-то перешли дорогу? Задолжали?

Инков совсем сник:

– Я уже рассказывал Валерию Петровичу... Нет, ничего такого... Были, конечно, небольшие проблемы, но мы их решали в рабочем порядке... – Он, как и Тамара, опасно покосился на толстяка.

«Серьезный фрукт этот Валерий Петрович, – оценила Наташа. – Как его все опасаются!»

Лично ей толстяк страшным не казался. Вполне адекватный дядька. Глаза умные... Наташа обратилась к нему:

– А вы, простите, здесь находитесь, как, э-э, официальное лицо?

Толстяк ответил уклончиво:

– Я здесь по просьбе Дениса.

И тут вдруг встряла Ритка. Со звоном опустила на тарелочку вилку:

– Наташ... Может, хватит, а?

Наталья удивленно взглянула на сестру.

– В каком смысле – хватит?

Сестра пожала плечами:

– Ну... Денис вон давно предлагает за отца выпить... Так давайте и выпьем.

– Что, выпить хочется? – вымученно улыбнулась Наталья. – Трубы горят?

Но сестра шуточки не приняла – ответила ей всерьез:

– Да, мне хочется выпить. И потом: сейчас уже нотариус придет, – она взглянула на часы, – а мы отца даже толком не помянули. Сначала тебя ждали, а теперь ждем, пока ты в мисс Марпл наиграешься.

Наташа тревожно взглянула на сестру. Та выглядела неважно: бледная, под глазами темные тени, на черной блузке – пятно от сметанного соуса. «Безутешная вдова» Тамара рядом с ней – как мисс Вселенная подле мисс Урюпинск. Лакированное горе рядом с горем настоящим. Или Ритка переживает вовсе не из-за отца?

Что ж, не будем спорить с сестрой. И обижаться на младшенькую – тоже не будем.

Наташа подняла рюмку:

– За тебя, папа. Пусть земля тебе будет пухом.

* * *

Нотариус явился около девяти вечера. Сначала во дворе затормозила машина, потом – и очень нескоро! – за дверью столовой раздалось шарканье...

– Я хочу вас предупредить... – начала Тамара.

Но договорить не успела – на пороге показался нотариус.

Наташа не была знакома с отцовским нотариусом и теперь, увидев его, просто опешила: тот оказался таким стареньким, что удивительно: неужели эта груда костей, обтянутых желтой пергаментной кожей, еще способна на разумные действия?

«Замшелый... словно гриб-дождевик, – растерянно подумала она. – Причем очень старый гриб: обычно-то дождевики прохожие сразу давят, как только они вырастут, а этот будто два сезона в лесу под снегом просидел. Где отец только такого выкопал?»

Похоже, никто из присутствующих не ожидал, что нотариус будет настолько «антикварным»: сестренкины брови выстроились в насмешливый домик, брат переглянулся с женой, толстяк Валерий Петрович с трудом погасил в глазах удивленные искорки, а Инков – совсем невежливо хмыкнул. И только мачеха держалась хладнокровно и вежливо – похоже, она с нотариусом встречалась и раньше.

– Здравствуйте, Иннокентий Ильич. Мы рады, что вы приехали. Проходите, пожалуйста, к столу.

Говорила она подчеркнуто громко – значит, гриб не только замшелый, но еще и глухой.

– Да-да, проходите, – подхватил Денис. И невпопад предложил: – Хотите выпить?

Наташа не удержалась: фыркнула. Нотариус – он оказался не совсем уж глухим – наградил обоих неодобрительным взглядом.

– Иннокентий Ильич не пьет, – укоризненно пропела мачеха. И светски добавила: – Но от чашечки чаю, конечно, не откажется.

– Спасибо, Тamarочка, – прокряхтел гриб.

В глазах Риты промелькнул ужас, а Майечка, бессловесная Денисова жenuшка, уставилась на нотариуса с таким неприкрытым любопытством, что аж ротик от удивления распахнулся.

– Есть «черный лес». И чизкейк, – продолжала ворковать мачеха. – А чай вы хотите обычный или зеленый?

Она замахала рукой, призывая Вику.

Нотариус, кряхтя, поместился на свободный стул, аккуратно разложил на тощих коленках салфетку. «А ведь у него и зубов-то нет! – отметила Наташа. – Как же он будет чизкейк жевать?!»

Вика уже мчалась с подносиком: фарфоровая чашка, серебряная ложечка, тарелочка под тортик...

Наташа украдкой зевнула: похоже, посиделки затянутся до утра. Такие древние старички чай обычно подолгу пьют... Брат с сестрой с ней, похоже, были согласны: Рита нервно терзала бахрому от скатерти, а Денис наполнил рюмку коньяком и, не ища компании, выпил.

Вика аккуратно – похоже, боялась случайно задеть старичка – вдруг рассыплется? – начала сервировать нотариусу чай. Тот поглядывал на девушку благосклонно. «Пожалуй, даже похотливо, – отметила Наташа. – Вот это гриб так гриб!»

Вдруг нотариус проскрипел:

– Виктория Кузьменко – это вы? – Да, я, – удивленно ответила домработница.

– Ваше отчество, дата рождения, номер паспорта, – потребовал гриб.

– Чего? – растерялась Вика.

Нотариус окинул девушку снисходительным взглядом и проговорил:

– Тогда поправьте меня, если я ошибусь. Кузьменко Виктория Аркадьевна, родилась девятнадцатого января тысяча девятьсот семьдесят первого года, паспорт номер 45 06 408468, все верно?

– Ой... – удивленно пискнула Денисова жена Майечка.

А Вика пролепетала:

– Да, все правильно, но...

Голос нотариуса закаменел. Он строго сказал домработнице:

– Хорошо. Значит, вы тоже пойдете со мной.

Он снял с колен салфетку, вернул ее на стол и провозгласил:

– Я прошу пройти в кабинет следующих лиц: Наталья Коньшева, Денис Коньшев, Майя Коньшева, Маргарита Хейвуд и Тамара Кирилловна Коньшева. К остальным просьба оставаться здесь и ждать нашего возвращения.

«Вот гриб дает!» – в очередной раз восхитилась Наташа.

– А как же чай? – расстроилась мачеха.

– А как же я? – растерянно пробормотал Инков.

– Чаю мы с вами, Тамара Кирилловна, выпьем позже, – изрек нотариус. И назидательно добавил: – Дело, как говорится, прежде всего. – А Инкову сообщил: – Вас, Михаил Вячеславович, разочарую сразу: вы в завещании Бориса Коньшева не упоминаетесь.

* * *

Инков и Ходасевич

Михаил Вячеславович Инков выглядел совсем растерянным. В столовой все стихло, семью Коньшевых и их домработницу нотариус увел в кабинет, а он остался сидеть за столом, на тарелке замерзло жаркое. «Лицо обиженное, как у ребенка, – подумал Валерий Петрович. – По такой физиономии можно, как по книге, читать».

На круглой, простецкой мордахе Инкова проглядывало неприкрытое разочарование. Лицо говорило, кричало, жаловалось: «Нет, конечно же, я не ждал, что Боря завещает мне что-то существенное. Мы ведь даже не друзья – просто коллеги, а по большому счету: Борис Коньшев – начальник, я, Миша Инков, – помощник. Но когда ты знаешь человека уже сто лет... Когда ты его бессменный заместитель... Когда проводишь бок о бок с ним как минимум по пятьдесят часов в неделю... Пусть он, может, и считал меня «шестеркой», но даже не упомянуть меня в завещании...»

– Что теперь будет с фирмой Бориса Андреевича? – прервал скорбные размышления Инкова полковник Ходасевич.

– Откуда мне знать? – буркнул Инков. И горько добавил: – Не я ж там теперь начальник...

«Ты никогда и не был начальником», – быстро подумал Ходасевич.

Потом внимательно взглянул на заместителя Конышева:

– Расскажите мне про «Древэкспорт».

– Да что я знаю о «Древэкспорте»? – с горькой иронией воскликнул Инков.

– Кое-что знаете, – отрезал Ходасевич. – «Древэкспорт» – это акционерное общество?

– Да.

– Акции существуют реально?

– Да.

– А кому принадлежит контрольный пакет?

– Ясное дело, Конышеву, – Инков пожал плечами. – У него – пятьдесят один процент.

У нас, рядовых сотрудников (слово «рядовые» зам Конышева произнес с плохо скрытой злобой), – десять процентов. Остальные акции – на свободном рынке. За вчерашний день, кстати, котировки упали на семь процентов.

– А в какую сумму они оцениваются? – не отставал Валерий Петрович.

Инков заученно, как на уроке, отбарабанил:

– Было выпущено девятьсот тысяч акций. На рынке присутствуют, как я сказал, тридцать девять процентов. Вчера они торговались по сто семьдесят восемь рублей за акцию. Считайте сами.

Ходасевич посчитал быстро. Задумчиво произнес:

– Два с лишним миллиона долларов, и это только акции... Но ведь есть еще активы фирмы, имущество... – И неожиданно спросил: – А кто будет преемником Бориса Андреевича в «Древэкспорте»?

Инков опустил глаза и промолчал.

«Неужели рассчитывал, что Конышев назовет своим преемником его?» – изумился Валерий Петрович.

Он весь вечер наблюдал за Михаилом Вячеславовичем и пришел к выводу: тот совсем не годился на роль руководителя. Инков, по сути своей, секретарь. Исполнительный помощник. Толковая «шестерка». Но раз на поминках присутствовал только он и больше никого из «Древэкспорта»... Значит, получается, что Борис Конышев правил своей фирмой единолично. И преемника себе не готовил.

– Вы надеялись... – мягко начал Валерий Петрович.

Инков договорить не дал – оборвал его:

– Да ни на что я не надеялся!

Ходасевич не обратил внимания на его тон, сказал задумчиво:

– А вот мне завещать особенно и нечего, богатств не нажил: однокомнатная квартирка да коллекция видеокассет. Квартирку – отдам падчерице. А кассеты – завещал другу.

Инков продолжал смотреть в пол, но в его глазах что-то дрогнуло.

– У Бориса Андреевича были друзья? – осторожно спросил Ходасевич.

– Знаете, как Дюма писал в «Графе Монте-Кристо»? – вдруг усмехнулся Инков. – В деловом мире друзей нет: есть только *корреспонденты*.

– Хорошо. – Валерий Петрович решил зайти с другой стороны. – Как называлась ваша должность в фирме Конышева?

Инков поморщился:

– Заместитель директора.

– По каким вопросам? – подтолкнул Ходасевич.

– По общим, – неохотно ответил Инков.

– А другие замы у Конышева были?

– Нет, – поспешно ответил Инков.
– То есть политику фирмы вы с Борисом Андреевичем определяли единолично, – продолжал наседать Ходасевич.
– Еще Вероника была... – неохотно буркнул Инков.
– Это кто? – быстро спросил Ходасевич.
– Антипова Вероника Львовна, – вздохнул зам Конышева. – Главный бухгалтер «Древэкспорта».
– Ее координаты можете мне подсказать?
Инков с готовностью полез в карман, вынул визитницу – дрянную, из кожзаменителя, – и протянул полковнику карточку:
– Вот. Тут все ее телефоны. Рабочий, домашний, мобильный.
– Я возьму? – просьба Валерия Петровича прозвучала как приказ.
– Берите, – вздохнул Инков.
В его глазах читалось: берите что угодно, только оставьте меня в покое.
– Знаете, Валерий Петрович, – вдруг произнес он. – Я что-то себя неважно чувствую... – Инков поднялся. – Вы позволите?..
– Хотите уехать? – сочувственно спросил полковник.
– Хотел бы, – вздохнул Инков. – Только я, увы, человек маленький и шофера у меня нет. А выпил я изрядно. Пойду, пожалуй, в свою комнату. Переночую здесь, а завтра уж поеду. Можно?
Полковник удивленно взглянул на Инкова – странно было, что солидный и совсем немолодой человек просит у него позволения.
– Конечно, идите, – кивнул Ходасевич.
– Спасибо, – пробормотал Инков и пошаркал к выходу из комнаты.
Полковник проводил взглядом жалкую, согбенную фигурку – и вдруг подумал: «А ты, дядя, не так уж и прост».

* * *

Наташа

Хотя Наташа и делала вид, что на отцовское завещание ей наплевать, а все равно нервничала. Сложно чувствовать себя хладнокровной, когда совсем рядом, в дрожащих лапках нотариуса, спрятаны *миллионы*. Миллионы рублей – наверняка, а, скорее всего, и миллионы долларов. Интересно, насколько все же богат отец? Раньше Наташа никогда не задавалась этим вопросом. Гордая была: мне, мол, чужих богатств не надо – свои заработаю. Но теперь, когда жизнь шарахнула так, что приходится чуть ли не ежедневно выдергивать из шевелюры седые волоски, уже не до гордости. Поневоле начнешь надеяться на отцовские капиталы.

Ну-ка, попробуем прикинуть... Сколько, к примеру, стоит этот особнячок? Трехэтажный, кирпичный, на участке в полгектара? Наверно, не меньше миллиона долларов: здесь, в Теляево, земля дорогая... А еще, Наташа вспомнила, у папы имеется «дача» на Кипре, бунгало в Америке, где-то в Майами, и роскошная квартира в Петербурге, на канале Грибоедова. Ну, и в Швейцарию отец сколько раз ездил – не только же на лыжах кататься? Наверняка у него и счета в швейцарских банках есть... И теперь – часть всей этой роскоши достанется ей! Как здорово!.. И как стыдно – что отца только сегодня похоронили, а она – радуется. Радуется тихо, наедине с собой – но все же... Нехорошо это: нацеливаться на деньги покойника, когда его тело едва успели предать земле. Но только что с собой поделаешь? И, если уж совсем честно, об отцовских деньгах Наташа думала и раньше – когда он был еще жив. Нет,

пока у нее самой имелось дело – «Настоящий» магазин, она даже гордилась, что «плывет по жизни» сама, без отцовской помощи. Но теперь, когда дело ее разорено... Когда она вдо-стала хлебнула унижительной жизни в роли тренера, читай – прислуги... Когда безденежье перестало забавлять и начало бесить...

«Хотя бы тысяч сто он мне оставил, чтобы можно было новый магазин открыть», – мечтала Наташа, пока все рассаживались по кожаным диванам и креслам. «А лучше, конечно, двести: чтобы не мучиться с арендой, а сразу подыскать нормальное помещение в собственности», – постепенно разочаривалась она, ожидая, пока нотариус водрузит на нос очки и распечатает конверт с сургучной, как в приключенческих фильмах, печатью. «Но самое шикарное – если б оставил полмиллиона: тогда можно будет сразу открыть не один магазин, а несколько: как сам отец и говорил, «мелкий бизнес и бизнес сетевой – это большая разница...»

– Дамы и господа! – Нотариус наконец угнезвился в самом почетном, во главе длинного письменного стола, кресле. – Прошу внимания, я приступаю к оглашению завещания.

Старичок обвел Конышевых и примкнувшую к ним домработницу пронизывающим взглядом. Кажется, он наслаждался тем, что сейчас, пусть ненадолго, но он среди них – самый главный, и их судьбы – в его сухоньких, испещренных старческими пятнами руках...

– Считаю своим долгом проинформировать, – нотариус, похоже, специально старался выражаться высокопарно и витиевато, – что завещание Бориса Андреевича Конышева составлено в произвольной форме. Прошу не удивляться, законом это дозволено, и я...

– А можно ближе к делу? – нетерпеливо перебил его Денис.

Нотариус снял очки, наградил Дениса уничижительным взглядом – и продолжил свою речь, словно Денисовой реплики и не было:

– ...И я со всей ответственностью заявляю вам, что данное завещание имеет полную юридическую силу.

Рита, под насмешливым взглядом мачехи, принялась нервно выстукивать по полу носком туфли.

– Впрочем, к делу, – наконец пощадил их Иннокентий Ильич. Снова водрузил на нос очки и принялся читать:

«Дорогие мои! Вот вы и дождались!»

Наташа вздрогнула. Мачеха осталась бесстрастной, Рита пожала плечами, Денис про-бормотал:

– Папаня в своем репертуаре...

– Попрошу не перебивать, – пригвоздил его нотариус и продолжил: – *«Итак, я мертв, и презренный металл мне больше не нужен. Вы, конечно, не раз задавались вопросом: а много ли у старого хрыча денег? Что ж, сейчас узнаете. Отвечаю, как на духу: достаточно. Хотите убедиться? Пожалуйста. Этот дом, здесь, в Теляево, оценен в миллион долларов. Квартира в Москве – еще четыреста. Квартира в Петербурге – сто пятьдесят. Бунгало в Майами – семьсот тысяч. Коттедж на Кипре – пятьсот семьдесят».*

«Неплохо, совсем неплохо!» – Наташе было стыдно, но ничего поделать с собой она не могла: пыталась сложить в уме стоимость отцовских домов и поделить сумму на четверых: себя, сестру, брата и мачеху. Она бросила на родственников мимоличный взгляд и убедилась: похоже, брат с сестрой и даже глупышка Майя занимаются тем же самым. Вика же – поедает их всех завистливым взглядом. Одна только мачеха, вот артистка, так и хранит на челе маску безутешной вдовы и притворяется, будто ей все равно...

– *«Теперь о банковских счетах, – нотариус, видно для пущего эффекта, повысил голос: – На момент составления данного завещания мои капиталы, размещенные на личных счетах в трех различных банках, составляли три миллиона шестьсот восемьдесят тысяч дол-ларов».*

Наталье еле удалось сдержать глупую и радостную улыбку. Может, ну его, этот возрожденный «Настоящий»? Зачем вообще работать, если на тебя такие деньги сваливаются?!

Но Иннокентий Ильич еще не закончил:

– *«Также, как вам известно, я являюсь президентом и владельцем контрольного пакета акций акционерного общества „Древэкспорт“. Хотя котировки акций и зависят от колебаний рынка, но заявляю вам со всей ответственностью: даже после того, как биржу наверняка всколыхнет известие о моей смерти, стоимость принадлежащих мне акций моей фирмы вряд ли составит менее двух миллионов семисот тысяч долларов».*

– Ё-мое! – воскликнул Денис. – Факинг шит какой-то, так у вас говорят, а, Ритка? – Он дотянулся до сестры и фамильярно ущипнул ее за коленку.

– Incredible¹¹... – прошептала сестра.

Кажется, она еле удерживалась от счастливых слез.

«А Ритке, похоже, деньги нужны, как воздух, – подумала Наташа. – Интересно только – на что? Вроде всегда хвасталась, что Пит содержит ее, как королеву...»

– *«И теперь – о моем главном богатстве, – нотариус повысил голос почти до визга. – Мое главное сокровище – это, разумеется, мои дети. Я горжусь вами. Тобою, Денис, – твоим фантастическим талантом, который помог тебе практически из ничего построить собственную строительную империю, твоею мудростью, твоей красавицей-женой... (Майя, глупышка, совсем не обиделась, что она со своей красотой упоминается на двадцать пятом месте, – гордо выпятила пышную грудь). Я горжусь и тобою, Наталья, – продолжал нотариус. – Твоим исключительным коммерческим чутьем, твоей несгибаемой силой духа, твоей интуицией, которая, верю, обязательно поможет тебе снова взойти на самые вершины бизнеса. А еще я очень счастлив, что благодаря моей младшей дочери Маргарите у меня наконец появились внуки. Спасибо тебе, Риточка, за очаровательных детей и еще за то, что благодаря тебе я понял, какой должна быть настоящая жена – такой, как ты: терпеливой, красивой и мудрой».*

«Я была несправедлива к нему, – покаянно думала Наташа. – Почему я всегда считала, что отец – черствый и равнодушный?..»

Похоже, что и Рита с Денисом мучились похожими мыслями: сестричка покраснела, брат – опустил глаза... Одна мачеха осталась бесстрастной – сидит, словно снежная королева.

– *«Но к делу. – Завещание наконец подошло к своей кульминации. – Я завещаю Виктории Кузьменко, самой преданной, исполнительной и аккуратной домработнице, сто тысяч долларов. Я знаю, Вика, что у тебя нет жилья – и теперь ты сможешь его купить. На однокомнатную – и неплохую! – квартиру тебе хватит. Деньги лежат в банковской ячейке, ключ прилагается».*

Вика охнула.

– *«Я завещаю Майе Коньшевой, жене моего сына Дениса, находящиеся в моем банковском сейфе драгоценности на общую сумму порядка двухсот тысяч долларов. Ты красива, Майечка, но бриллианты, как ты знаешь сама, делают красивых просто неотразимыми».*

– Вау! – просияла Майечка.

– *«Я завещаю моим детям оставаться такими же замечательными людьми, какие они и есть сейчас. А все мое состояние, оцененное приблизительно в девять миллионов двести тысяч долларов, я завещаю своей жене: Тамаре Кирилловне Коньшевой».*

Нотариус снял очки и окинул присутствующих торжествующим взглядом.

– А дальше-то что? – нетерпеливо спросила Рита.

Похоже, о чем-то задумалась и последнюю фразу пропустила.

¹¹ Поразительно (англ.).

Денис смертельно побледнел. Наташа, наоборот, почувствовала, как ее щеки предательски вспыхнули. А мачеха наконец сбросила свою «равнодушную шкурку» и широко, торжествующе улыбнулась.

– Так что там дальше? – Рита по-прежнему не понимала.

– Бедная девочка не расслышала? – с фальшивым участием спросила мачеха. И с нескрываемым злорадством процитировала по памяти: *«Все мое состояние, оцененное в девять миллионов двести тысяч долларов, я завещаю своей жене: Тамаре Кирилловне Коньшевой».*

А нотариус уложил свои очки в кожаный футляр и подвел итог:

– Завещание прочитано полностью и вступило в свою законную силу.

* * *

Валерий Петрович

Оглашение завещания затянулось. Валерий Петрович давно вышел из-за стола, пересел в удобное кресло, поместил на подлокотник хрустальную пепельницу. Курил, поглядывал в окно на скучный пейзаж с традиционной для Подмосковья альпийской горкой и размышлял: о том, как непохожи сестры и брат Коньшевы. Об их отношениях с мачехой. О Коньшеве-старшем, так бесславно и нелепо погибшем... Думал и о заме Бориса Андреевича господине Инкове и все больше укреплялся в мысли, что в биографии этого человека нужно покопаться поглубже – как и во всей деятельности фирмы «Древэкспорт»... А еще, не совсем к месту, но что поделаешь, Валерий Петрович вспоминал о мусахе. Пропадает мусаха – почти полная кастрюля осталась скучать в холодильнике. Не успела Танюшка к нему приехать, а теперь его и самого дома нет.

Полковник взглянул на часы и поморщился: совсем поздно, почти одиннадцать вечера. Теляево, спору нет, – местечко симпатичное, только общественного транспорта элитный коттеджный поселок не предусматривает, а машины Валерия Петровича нет. И как, интересно, ему теперь добираться домой, в Москву? Топать на электричку у него нет сил, такси здесь вряд ли водятся, а девушки, Наталья и Рита, – без машин. Так что только на Дениса остается надеяться – один он с автомобилем. Или они с женой останутся ночевать здесь, в особняке?

Правда, Тамара Коньшева, так и лучившаяся гостеприимством, настоятельно предлагала Ходасевичу тоже остаться в Теляеве. Обещала выделить «самую уютную комнату» и заверила, что спится здесь, как нигде: «тишина и воздух слаще, чем конфета «Мишка на Севере».

– А завтра, если хотите, мы с вами обо всем подробно поговорим. Сегодня, сами видите, не до того: похороны, поминки, нотариус...

Валерий Петрович тоже хотел пообщаться со второй женой Бориса Коньшева, однако ночевать в особняке ему совершенно не улыбалось. Годы уже не те: не чужая роскошная кровать нужна, а собственная стариковская постель, где каждая выступающая пружинка – мила и приятна...

...А в кабинете до сих пор все тихо. Сколько же можно?! Валерий Петрович опять взглянул на часы – и вдруг наверху что-то стукнуло, донеслись встревоженные голоса, а потом – пронзительный женский вопль:

– А-ааааа!

Крик был столь отчаянным, что Валерий Петрович даже не стал раздумывать – надо ли вмешиваться в чужое семейное дело. Подхватился, вскочил и отправился по лестнице вверх. Дополз, распахнул дверь кабинета... и в недоумении застыл на пороге.

Странная ему открылась картина. Ближе всего, почти у двери, стояла Вика. Девушка выглядела не похожей на себя: совсем недавно, за ужином, это была типичная домработница – строгая, услужливая и сосредоточенная. А сейчас – вдруг явились шальные, беззаботные глаза, широкая, бессмысленная улыбка... Вика равнодушно взглянула на полковника и снова ушла в свои мысли – несомненно, самые радужные. «У нее – ожидания оправдались», – мимолетно подумал Ходасевич.

Нотариус Иннокентий Ильич тоже едва посмотрел на Ходасевича: он был занят. Сидел за столом и, высунув от усердия кончик языка, старательно запихивал в конверт отпечатанные на принтере листы бумаги, украшенные гербовой печатью, – судя по всему, завешание.

Этих двоих Валерий Петрович окинул мимолетным взглядом и тут же выбросил из головы: они проблемы не представляли. Зато с Конышевыми – причем со всеми – явно происходило неладное.

Рита Конышева-Хейвуд лежала на полу – свернулась в жалкий клубок, уткнулась носом в ковер и отчаянно рыдала. Рядом, присев на корточки, находилась ее сестра Наталья. Девушка растерянно гладила Риту по руке и повторяла: «Ритусик, ну, успокойся. Успокойся, пожалуйста, я прошу тебя!»

А Денис Конышев угрожающе стоял над креслом, в котором, изящно заложив ногу за ногу, раскинулась мачеха. Тамара Конышева выглядела умиротворенной и беззаботной. А лицо Дениса, отчаянно бледное, но с лихорадочными пятнами на щеках, Валерию Петровичу совсем не понравилось.

– Я тебя уничтожу! – кричал Денис.

Тамара Конышева, к которой и обращались эти слова, в ответ лишь улыбалась.

И даже Ходасевич, лицо незаинтересованное, еле сдержался, чтобы не поморщиться: счастливая улыбка смотрелась в напряженной атмосфере кабинета совершенно неуместно. Денис, несомненно, был одного мнения с полковником.

– Ликуешь?! – все больше распалялся он. – Уверена, что победила?! Нет, милочка, ошибаешься!!!

Тамара рассмеялась ему в лицо:

– Да что ты мне сделаешь?

Денис опешил, его руки автоматически сжались в кулаки. Выручила Майечка – встала между мужем и его мачехой, твердо сказала:

– Денис, не смей! Не смей, понял?

– Уйди, – досадливо отодвинул жену младший Конышев.

– Денис. Держи себя в руках, – попросил и Ходасевич – он по-прежнему стоял у двери. Вмешиваться в чужой скандал не хотелось, но не допускать же рукоприкладства!

Конышев удивленно обернулся на его голос. Глянул, будто видит Валерия Петровича впервые... Но в руки себя взял. Кулаки разжались, лицо разгладилось, а тон с отчаянного переменялся на ледяной и решительный:

– Смотри, Тамара. Я тебя предупредил.

– Бесполезно, за-айчик! – нахально пропела мачеха.

На помощь брату пришла Наталья. Не вставая с ковра и продолжая успокаивающе гладить сестру по руке, она воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.